

Сергей Ерунда
Маяк туманного мыса

16+

Сергей Владимирович Еримия

Маяк туманного мыса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43294261

SelfPub; 2019

Аннотация

Бескрайние просторы северных морей. Шторм. Волны. Ветер. В кипящем котле разбушевавшейся стихии разрываемый на части чудом держится на плаву надувной спасательный плотик. Внутри один человек, несчастный, которому довелось пережить нечто страшное, что-то, о чем измученный разум предпочел тут-таки забыть. Он борется, он не сдается, он надеется на благополучный исход, но у стихии свои планы. Плот несет на скалы. Берег все ближе, жизнь бедолаги в руках провидения. Теперь оно решает, бросить ли его на камни, или вынести на мягкий песок. От него же зависит, необитаема это земля или населена, пусть лишь призраками недалекого прошлого...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	42
Глава третья	88
Глава четвертая	101
Глава пятая	123
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Глава первая

Один на один с океаном

Нет ничего хуже непрекращающейся болтанки. Отвратительные ощущения. Тебя вместе с твоим хлипким надувным плотом подбрасывает вверх, закручивает, роняет, снова подбрасывает. Бывает, замрешь на мгновение, зависнешь в воздухе, чувствуя спокойствие, что сродни блаженству и тут-таки камнем падаешь вниз. Хорошо еще если вертикально, отвесно, но чаще всего кубарем, по наклонной. Катишься, кувыркаешься внутри спасательного средства, теряя надежду на само спасение. Прыгаешь будто мячик по туго натянутым тканевым стенкам, одна радость – плотик надежно закупорен, матерчатая дверь зашнурована, клапан завязан прочной тесемкой, так просто наружу не вывалишься.

Гребень волны, иллюзия невесомости, удар. Мгновение и все повторяется. Снова и снова. Вершина – падение – пропасть. Убийственное постоянство...

Не могу сказать точно, сколько томительно долгих часов стихия развлекалась, швыряя меня с гребня на гребень, но вот чуточку угомонила она. Сошел на нет шторм, осталось лишь чуть заметное покачивание. Затих океан. Устали волны, надоело им играть чужой жизнью, оставили меня в покое. Хотя нет, что я такое говорю, я ведь и сам в это не верю! Скорее всего, боги морские отдыхают, собираются с си-

лами, планируя обрушиться на меня всей своей мощью. Да, так и случится, бывает же «девятый вал», полагаю, он еще впереди.

Меня зовут Виктор, я прошу, нет, я взываю, я молю о помощи, все еще не теряя надежды на то, что меня спасут. Верю, найдут меня, выловят, пусть не сразу, пусть погода, пусть чуть позже, я подожду, я смогу, у меня еще есть время. Со всем немного времени...

Не буду спорить, да найти меня непросто. Я в спасательном плотике, но он большой, яркий! Дрейфует он, гонимый ветром и волной, путешествует по бескрайним просторам северных морей. Жаль я не знаю, в каком из них оказался. Не могу объяснить даже самому себе, на чем базируется наивная уверенность в том, что море действительно северное (не на одном же только холоде!). Не представляю, куда меня несет. Ничего я не знаю. Трудно что-либо утверждать, находясь в условиях длительной изоляции от внешнего мира. Невозможно делать выводы, не имея хоть какой бы то ни было информации. Да, исходных данных мне не хватает, недостаточно вводных для анализа. Еще и страх донимает, думать мешает, нашептывает мрачные слова, населяет сознание ужасными монстрами, что поедают меня изнутри.

Нет, страх еще не парализовал мою волю, я держусь, я стараюсь.

Совсем недавно в период последнего кратковременного и весьма условного затишья я собрался с духом и выглянул

наружу. Смелость моя была тут-таки «вознаграждена». Меня окатило ледяной водой, мощный поток сбил с ног, отбросил от входа, хлынул внутрь, превратив спасательный плотик в покачивающийся на волнах детский бассейн. На редкость точное сравнение: надувные борта, внутри вода плещется и я на коленях посередине, просто резиновая уточка!

Но это все ладно, это далеко не самое страшное из того, что может произойти в жизни. Гораздо хуже то, что снаружи, за пределами матерчатых стен темным-темно. Куда ни глянь – ничего не видно. Вообще ничего! Насыщенно-серая тьма наверху, такая же внизу, вокруг все та же унылая серость. Вода темная, воздух темный, одинаковое все, удручающая монотонность. Как тут понять, что это, в чем причина мрачной полутьмы? Облачность? Апокалипсис? Ночь?!

Ночь! Как я сразу не догадался! Северные моря! Полярная ночь! На этих проклятых широтах солнце вообще никогда не восходит...

«Мое имя Виктор, меня подбрасывает на волнах в неизвестных мне водах холодного океана. Прошу помощи. Я...».

Фонарик, слабенький источник света, единственный луч надежды в царстве сплошной мглы, ярко вспыхнул и тут-таки погас. Тьма, властвующая за пределами легкого надувного суденышка, моментально просочилась внутрь него и скрыла от меня ограниченный тканевыми стенками мирок. Вслед за тьмой пришел страх, но не тот, к которому я уже чуточку привык, новый он, сильный, концентрированный,

грозящий превратиться в подлинный ужас. Схватил он меня за горло, сомкнул костлявые пальцы, сдавил. Казалось, еще немного, еще чуть-чуть и я услышу хруст, треск ломающихся позвонков, последний отзвук уходящей жизни...

Страх отступил. Освещение восстановилось. Палец, который, не переставая, щелкал выключателем, справился. Лампочка вновь ожила, подарила мне свет, а с ним надежду. Надо же, вот кто бы мог подумать, что тусклое свечение дешевого фонарика может быть таким важным! Я бы точно не мог, тогда, раньше, ведь я...

Снова эта отвратительная мысль: «Не помню!». Да, я практически ничего не помню! Не могу толком объяснить даже самому себе, кто я, где нахожусь. Нет, конечно, в море. Это понятно, да и не восстаю я против объективной реальности, той, что подбрасывает и роняет меня. Для этого не нужна память, тут все просто и логично. Вода, плот, я внутри него. Виктор, меня зовут Виктор. Я среди бурных вод и я умираю...

Стоп. Не время для паники, рано сдаваться, надо что-то менять, что-то делать, сейчас, немедленно. Пусть память отказывается быть мне союзником, но ведь можно просто открыть глаза и осмотреться! Что я вижу? Вижу надувной плот, один из тех, которыми комплектуют небольшие суда. Достаточно вместительный он, просторный, думаю, человек на шесть-семь рассчитан, а то и больше. Есть подозрение, что подобное спасательное средство я уже где-то видел, вот толь-

ко где? В жизни? В кино?

Да, пространства свободного много, но почему-то все оно отдано мне одному. Не могу сообразить, что тому причина. Может, я путешествовал в одиночестве, вот и...

Ладно, идем дальше. На дне вода, слой сантиметров пятнадцать не меньше (надеюсь, в ближайшем будущем море успокоится – вычерпаю). По всему плотику разбросано много всего полезного и не очень. Именно так, разбросано, да это и понятно – далеко не первые сутки меня швыряет по волнам! Так все взболтало, так перемешало! Пакетики разных размеров плавают на поверхности воды, плещутся в ее толще, покачиваются на матерчатом дне. Цветные пробки виднеются то тут, то там, подвижные, будто поплавки – то подпрыгивают бутылочки с питьевой водой. Несколько жилетов величаво кружат вдоль бортов, изредка подплывают ко мне, трутся о мои ноги, намекая на то, что надо бы их надеть. Пусть даже и не надеются, не стану. Их польза в ледяном море крайне сомнительна. Они не спасут, нет, они могут только отсрочить момент, подарить несколько минут жизни, сделать смерть долгой и мучительной.

Взгляд перестал рассеянно блуждать по стенам ядовитого цвета, он опустился ниже. Небольшое усилие над собой и вот в поле зрения последняя и единственная надежда на спасение – блокнот в моей руке. Посредине листа две строчки, выведенные корявым почерком. Надо же, я не могу разобрать букв, что говорить о словах! Конечно, тусклый свет,

красные круги перед глазами, да и с каллиграфией отношения у меня не очень...

Еще ниже у самых моих ног рядом со спасательным жилетом попрыгивает на легких волнах пустая пластиковая бутылочка. Полезная вещь. Нет, это не какая-то там тара из-под воды, это контейнер! Даже не так, это конверт, особый вид упаковки для особого письма, так принято в морской почте.

Рука схватила прозрачную емкость, подняла ее, покачала, будто взвесила. В тот же миг ярко представилось, как мое послание прибывает к далеким берегам. Его находят люди, вскрывают, читают. Удивленные лица, глаза исполненные сострадания, взгляды, устремленные куда-то в неведомую даль.

– А есть ли в этом смысл? – я вздрогнул, услышав свой хриплый голос. – Да, бутылка это пластик, а он практически вечен. Да, мое послание может путешествовать сотни лет! А я? Я смогу столько ждать?

Удивительно, но слова, напоенные отчаяньем, произнесенные вслух, взбодрили меня. Я даже привстал немного, то ли от удивления, то ли от страха. Наверняка от страха, вон как холодок пробежал по спине, руки задрожали! Блокнот выскользнул из ослабевших пальцев, плюхнулся в воду, поплыл подальше от меня, плавно опускаясь на дно.

Дрожь в руках передалась фонарику. Его луч заметался по мягким отвратительного ярко-оранжевого цвета стенкам спасательного плотика. Свет отразился от зеркала водной

глади, осветил мою согнутую пополам фигуру. Застыл, продолжая мерно подрагивать. Я, с удивлением осознавая, что впервые за последние дни вижу себя, принялся разглядывать ноги, руки, туловище...

Пожалуй, вполне приличный вид, как для человека, оказавшегося среди моря внутри надувного плотика. На мне оранжевый с черными полосами (наверняка под цвет временного моего плавучего убежища) гидрокостюм. Хороший он, добротный, качественный, несмотря на вырванный кусок ткани в области груди, в нем тепло и очень даже комфортно.

Дыра на груди. Странная дыра, материал будто оплавленный, будто кто-то огнем прожег. «А вдруг это след зубов хищника, который впился в прорезиненную ткань, потянул ее на себя, вырвал клочок? Порвал костюм, отхватил кусок живой плоти! – мрачные мысли, страшные мысли. – А может, так все и было? Может, очень даже может, на это и пятна намекают те, что вокруг дыры! Размытые они, почти сливаются с оттенком ткани, лишь немного темнее, гуще, кажутся бурыми, напоминают застывшую кровь. Было? Похоже на то, вот только боли нет. Шок?».

Изо всех сил стараясь сдерживать порождающий панику страх, я принялся ощупывать место вокруг раны. Смотреть не решился, не смог себя заставить. Глаза произвольно закрылись, доверяя первичный осмотр чувству осязания. Пальцы коснулись груди рядом с тем местом, где зияла страшная дыра. Ощупали гидрокостюм, проникли под

него. Подсознательно я почти смирился с тем, что вместо кожи коснусь лишенных живых тканей ребер со следами мощных зубов. Напряжение росло. Пальцы дрожали, готовые моментально отпрянуть, но нет, ничего подобного не было, я ощущал только мягкий материал одежды, надетой под костюм и ничего более. Вообще ничего: ни раны, ни боли, ни дискомфорта.

Это стало лучшей новостью последних дней. Пробудилась уверенность. Сильное чувство, настолько сильное, что я даже решился открыть глаза. Резко повернул на себя фонарик, наклонил голову. Оттянул ткань облегающего костюма, увидел тельняшку, сухую и относительно чистую, под ней виднелась кожа, моя, целая и невредимая. Довольный тем, что видели глаза, я глубоко вдохнул, намереваясь испытать грудную клетку в действии. Вдохнул и тут-таки поморщился. То ли мне это показалось, то ли так все и было, но от гидрокостюма несло мертвечиной. Скорее всего, не одежда тому причина, виною были пятна, то ли примерзшей, то ли присохшей к стенам плота темной субстанции отвратительного происхождения. Точно помню, меня несколько раз вырвало. Тогда, раньше, когда все только начиналось...

Луч фонаря снова скользнул вниз и остановился на левом моем бедре. Осветил его. Перескочил на правое. Снова на левое. Нет, тут смотри, не смотри, а разница на лицо. Левая нога чуть не в два раза толще правой. Такого не должно быть! Как только пальцы коснулись утолщения, я взвыл от боли.

Яркие пятнышки, которые и до того плясали перед глазами, закружили в кровавом хороводе. Тело свела судорога, меня пронзил разряд, сродни электрическому току, на него отозвалась каждая клеточка, добавляя что-то свое в насыщенный коктейль далеко не самых приятных ощущений. Захотелось кричать. Совладать с этим чувством не было сил, как не было и повода отказать себе в столь мизерном удовольствии. Над бурным морем пронесся громкий вопль. Была в нем боль, был страх, было отчаянье.

То, что произошло после, можно считать действием исключительно рефлекторным. Думать не приходилось, управление телом взяло на себя подсознание. Единственное, что мне оставалось – смотреть на то, как руки вылавливают из-под воды аптечку, достают маленький шприц, наполненный прозрачной жидкостью, срывают колпачок, втыкают иголку в ногу рядом с больным местом, сдавливают резервуар. Быстротечное мгновение адской боли за ним бесконечность подлинного блаженства!

Укол подействовал мгновенно. Цветные пятнышки перестали веселиться, а скоро и вовсе разбежались. Исчезла боль, постепенно вернулась способность думать. Пришло понимание очевидного факта: «У меня проблема, но я научился с ней справляться, следовательно, укол далеко не первый. Опыт чувствуется, умение. Вон как натренировался, быстро, четко, почти на автомате. Интересно, куда я выбрасывал шприцы?».

– Немедленно взять себя в руки! – решительноскомандовал я и, выполняя команду, схватился левой рукой за правое плечо. Крепко сжал пальцы. – Так-то лучше. Теперь соберись с мыслями и вспоминай, что происходило до того, как ты здесь очутился! Думай, кто ты, и каким образом оказался на плоту неведомо где?

Взять себя в руки оказалось делом гораздо более простым, нежели заставить голову работать. Не хотела она мне помогать, да даже и не пыталась! Тут еще и рука с фонарем отличилась. Принялась метаться она в тесном пространстве, изображая замысловаты фигуры. Может это последствия укола? Странная реакция, наверняка что-то нервное...

Нервное это или нет, но луч света долго еще прыгал по полукруглым стенам, по залитому водой мягкому полу. Блики слепили, часто сменяющиеся картинки не лучшим образом действовали на уставшее сознание. В освещенный круг попадали герметичные пакеты с едой, покрытые толстым слоем воды, какие-то книги (скорее брошюры), разорванные в клочья, пластмассовые обломки чего-то, что совсем недавно было электронным прибором. Думаю, то была рация, возможно, спутниковый телефон. Среди прочего фонарик вырвал покоящийся в толще вод открытый блокнот, до чего же быстро он ушел под воду! Никакой в нем плавучести, зато смотрится оригинально, такие себе письмена на дне.

– Да, ничего не поделаешь, зашла в тупик моя затея с письмом. Бумага размокла, писать более не на чем. Да и что

писать! Кому? Зачем?

Свет погас. На этот раз не спонтанно, я сам его выключил. Пусть с памятью моей проблемы, но истина есть истина – нужно экономить. «Нужно все экономить, в том числе и энергию. Никто не скажет, сколько мне еще болтаться в этих мрачных водах. Батареек, это я точно знаю, у меня нет, есть лишь с десятков фонариков. Не могу сказать, откуда они взялись, то ли производитель плота не поскупился, то ли я проявил смекалку, готовясь к отплытию. Неважно все это, в любом случае надолго их не хватит, нельзя об этом забывать, если хочу выжить. Конечно, если хочу выжить, а хочу ли я этого, тот еще вопрос».

Сами собой глаза закрылись. Нахлынуло спокойствие. Настоящее, ни с чем несравнимое. Даже волны, которые все еще развлекались, слегка подбрасывая надувную игрушку с человеком внутри, несколько умерили свой пыл. Плот чуточку выровнялся, лишь покачивался он, легко так, будто убаюкивал.

Сквозь наступившее спокойствие прорвался громкий крик, противный, надрывный. Я знаю, так чайки кричат. Очень уж голосистые они создания. Хотя, может, все не так? Может, его и не было, крика этого? Может, показалось? Нет, наверняка показалось, ведь чайки, я почти уверен, означают берег, а где тот берег, если куда ни глянь – тьма непроглядная...

Удалось поспать. Сидя. Не могу сказать как долго. Может,

несколько минут, может, часов. Глубокий сон, настоящий, с приятным сновидением. Возможно, оно не полностью было приятным, возможно, я вспомнил только приятную его часть. Не знаю. В любом случае я здорово отдохнул. Настолько, что даже улыбнулся себе невидимой в темноте улыбкой. В благодарность за улыбку подуставшая моя память выдала фрагмент воспоминания. Нечеткий, неяркий, может стать это и не воспоминание вовсе, а лишь частичка сна в той приятной и непонятной его части.

Мне привиделся корабль. Точнее, яхта. Нет, не из тех судов с тонкими граничащими с нежностью обводами корпусов и высоченными мачтами, не из тех, что радуют глаз парусами, пробуждая дремлющую в каждом без исключения человеке романтичность. Это судно другого плана, ему не нужен ветер, подгоняет его сила мощных двигателей, но разве в этом суть!

Да, то была яхта. Большое судно, немногим уступающее размерами приличному круизному лайнеру. Великолепное судно, его белые борта, переливались всеми цветами радуги, вокруг на многие мили разносилась громкая музыка. Вечеринка? Празднуют что-то? Пожалуй, но это еще не все!

Бредущего по многочисленным коридорам, я увидел себя. Узнал себя, не сразу, правда, но узнал. Станный я какой-то! На мне огромный пуховик, я в нем будто пингвин после купания взобравшийся на родную льдину. Из подранной ткани во все стороны торчат перья. Некоторые из них, повинуюсь

резким порывам ветра, беспрепятственно влетающего через открытые двери кают и распахнутые настежь иллюминаторы, улетают, уносятся вдаль.

Походка у меня тоже пингвинья, перекачиваюсь с ноги на ногу. Еще и сгорбленный весь какой-то, будто тяжесть на моих плечах неподъемная. Нет, пингвин, как ни смотри! Бредет такой себе по коридору, заглядывает во все помещения, с каждым шагом мрачнеет сильнее, наклоняется ниже. Что это со мной? Ищу кого-то? Не могу найти? Возможно. Вполне возможно, ведь яхта совершенно безлюдна, лишь свет, музыка и я. Просто последняя вечеринка на «Летучем голландце»...

– Вот если взять и отбросить тот непреложный факт, что в данный момент я нахожусь посреди моря, плыву куда-то на чертовом плоту, можно было бы сразу решить, что это просто сон, а так, даже и не знаю... – пробормотал я, чувствуя, как исчезают остатки относительно хорошего настроения. Кивнул, отвечая своим мыслям, включил фонарик и протянул руку к одному из плавающих в воде пакетиков. Разорвал полиэтилен, впился зубами в питательную плитку. Странная субстанция, будто шоколад смешали со старым салом. – Зато калорийно...

Несколько глотков чистой воды довершили трапезу. Я почувствовал заметное облегчение. Все-таки болтаться на волнах на полный желудок гораздо приятнее. Пусть даже он не очень-то и полный. Эх, сейчас бы на вечеринку, ту, из моего

сна! Пусть даже и без людей, так еще лучше, общество сейчас мне нужно меньше всего.

Еще один фрагмент воспоминаний пробился сквозь пелену забытья. На этот раз не было никакой яхты, зато был особняк на берегу. Тоже очень даже роскошный: большие окна, футуристическая архитектура, современный дизайн. Фасад с видом на море, вокруг разбит парк, аллеи со скульптурами. Похоже, поздняя осень, по такому случаю деревья надели свои самые яркие наряды, правда, не все. Не всем достались красные и желтые одежды, многих обделила природа, не подарила она кипарисам желтизны, не дала яркого одеяния туям, соснам, елям...

Сквозь открытые окна на пляж вылетали оглушающие как раскаты грома звуки ударных инструментов, слышался пронзительный визг какой-то доморощенной певицы. Не песня, а одно сплошное издевательство. Она не развлекала, нет, не нежила, задуматься заставляла, выливаясь в один простой до невозможности вопрос: «Неужели вокальный талант заключается в том, чтобы своим голосом заглушить музыку?».

Особняк все ближе. В окне первого этажа видна она, пелунья. Нет, в принципе очень даже ничего, если не прислушиваться. Платиновая блондинка с невероятно ярким (под цвет осеннего парка) макияжем. Подобная раскраска наверняка послужила бы эталоном любому уважающему себя индейцу, откопавшему топор войны! Конечно, это лишь субъ-

ективное восприятие...

Затихла музыка, девица прокричала последнюю строчку и также замолчала. Минуту она топталась на месте, не решаясь выпустить из рук внушительных размеров микрофон, после начала пританцовывать. Надо признать, что если с пением у нее не сложилось, то двигалась она очень даже неплохо, хотя, это опять-таки мое личное мнение.

Блондинка перестала кружить, поклонилась куда-то в глубину зала, резко повернулась к окну, кивнула, призывно помахала рукой. Мне? Трудно судить об этом, но все может быть, ведь, кажется, мы с ней знакомы, да точно знакомы, я уверен! Почти уверен...

Чувствуя, что поток нахлынувших воспоминаний может сбить с ног не хуже морской волны я попытался встать. Приподнялся, отчего закружилась голова, а в глазах заметно потемнело. Ноги задрожали, прогнулись в коленях, я начал оседать. Экспериментировать сразу же расхотелось. Снова сел. Закрыв глаза и принялся часто дышать, изо всех сил стараясь нормализовать ритм сердцебиения.

Постепенно сердце вернулось к обычному темпу. Глубокие вдохи, чередующиеся с медленными выдохами, успокоили. Туман, что клубился в глазах, поредел и исчез, остались лишь кровавые пятна, но они меня не беспокоили, я к ним давно привык.

Размеренное дыхание освободило сознание, чуточку раскрепостилось оно. Улетучились глупые мысли, потерялись

нелепые сомнения. Стало гораздо проще сосредоточиться на воспоминаниях, да и память практически сдалась. Нет, она еще не сорвала покров, скрывающий от меня мое же прошлое, но уже пошла на уступки, выдавая нечеткие, неяркие фрагменты того, что было скрыто за пеленой забвения.

Еще одна питательная плитка в благодарность памяти за некоторую покладистость. Очередное усилие над собой и удалось извлечь из небытия еще одно блеклое воспоминание. Я вдруг вспомнил... или все-таки придумал? Так сразу и не ответить...

Я музыкант! Точно! Было, помню. Я играл – блондинка пела! Все присутствующие дружно аплодировали, отбивая ритм, громко смеялись, наверняка веселая была песня! Левая рука, будто подтверждая правильность направления мысли, обхватила условный гриф, пальцы взяли аккорд, правая провела по воображаемым струнам. Значит, я гитарист. Это должно быть правдой, уверен, я всегда хотел играть на гитаре...

Дальше пошло легче. К воспоминаниям подключилась логика. Уже вдвоем они нарисовали довольно-таки правдоподобную картину. Мы музыканты, небольшой коллектив. Нас пригласили на закрытую вечеринку. Блондинка – певица. Я играл на гитаре, наверняка были еще несколько участников, мы ведь группа, жаль, я других не помню, но это не суть важно. Точно был особняк, большой дом практически на берегу моря. Хозяин – сын какого-то нефтяного магната.

Не помню имени, но кажется парень нормальный, хоть и бестолковый. Да точно, бестолковый он, ну а каким еще можно быть при богатых родителях! Дальше...

Ну, скорее всего, мы играли, гости пили. Вечеринка подошла к логическому завершению: кто-то уехал, а кто-то уснул. Остались мы с хозяином. Абсент, водка, еще помню, коньяк был, кальян с пахучим дымом. Да, это я на самом деле помню. Меня, нет, нас угощали, щедро угощали. Я вышел подышать свежим воздухом, блондинку понесло, не иначе как молодость вспомнила, караоке организовала...

– Действительно было! – глубокомысленно изрек я, радуясь видимым успехам своей измученной памяти. – Только происходило все это не на холодном севере, а гораздо южнее, где-то в Крыму, в окрестностях Ялты! Точно! А ведь я серьезные успехи делаю. Ну, продолжаем...

Сомнений нет – была вечеринка, но, с другой стороны, разве она одна такая?! Имеет ли она отношение к тому, что я болтаюсь в одиночестве среди ледяных морей? Ведь если я действительно музыкант, если! то так выглядит вся моя жизнь. Выступления, вечеринки, танцы. Летом чуть не каждый день, зимой, конечно, реже. Все по одному сценарию: песни, водка, танцы, водка, салют и снова водка. Вот! Салют точно был...

На минутку я совсем позабыл о том бедственном положении, в котором находился – настолько понравилось добывать информацию из недр собственного сознания. Увлека-

тельное это дело, радость дарит, особую, ни с чем несравнимую. Особенно радовало то, что воспоминаний становилось все больше, картина происшествия вырисовывалась все детальнее. Значит, надо продолжать!

Ага, вот и она, яхта! Да, она самая, та, из первого моего воспоминания. Белоснежная, новенькая. Вижу людей, ага, это мы на борт поднимаемся. Похоже, зима, как минимум, поздняя осень. Холодно, ветер продувает насквозь! Мужик с бородой что-то говорит, тихо, будто про себя, но я его отчетливо слышу, мол, не лучшее время года для круизов, особенно по северным морям. Я с ним искренне соглашаюсь, он смотрит на меня. Станный взгляд, не злой, нет, да и не приветливый, словом, не понять, ясно одно – я ему не нравлюсь, да и ладно...

Думаю, нам предложили подзаработать, попросили сопровождать того бестолкового паренька и его друзей в путешествии. Мысль не лишенная логики! Тогда мужик с бородой – капитан яхты. Коль так, понять его несложно. Ведь если цель похода северные моря, то планируется, как минимум, круиз вокруг всей Европы! Поздней осенью, а то и вообще зимой. Ни тебе позагорать, ни искупаться. Действительно глупая затея!

Вот и еще один фрагмент воспоминаний занял свое место в мозаике уставшей памяти. Кстати, он отлично дополнил общую картину: яхта, северные моря, полярная ночь. Правда, не все пока понятно, вопросы остаются. К примеру,

я видел себя, поднимающегося на борт. У меня в руках была только сумка. Одна небольшая сумка и все, вот почему я без гитары? Нет, это может объясняться просто – она уже на яхте, раньше доставили, только и всего!

Сменяя друг друга, лениво поползли смутные воспоминания, картинки монотонного путешествия. Очень смутные. Нет, это все логично, все сходится, тут дело не в лености сознания, или какой-то там амнезии. Это же круиз, пьяные все были. Так и вижу – утро начинаешь с того, что «лечишься после вчерашнего», потом обед, так и... плюс качка...

Море напомнило о себе. Не иначе как подслушало мои мысли, услышало знакомое «качка». Решило – достаточно с тебя воспоминаний, после продолжишь, если выживешь, а пока насладись-ка друг реальностью.

В одно мгновение плот и меня внутри него подняло ввысь чуть не в небеса и сразу же сбросило в пропасть. Нижняя часть надувной конструкции коснулась воды, ударилась о ее поверхность и тут все замерло. Причем замерло так резко, что на мгновение мне показалось, будто я уже на суше, будто выбросило меня на берег, будто твердая вода подо мною всего лишь мягкий песок северного пляжа. Всецело поглощенный этой мыслью, я бросился к клапану, отделяющему мир внутри от мира снаружи, развязал веревки, распахнул матерчатую дверь и высунул голову наружу...

С того момента, когда я в прошлый раз решился посмотреть на мир, окружающий мое плавательное средство, ситу-

ация за его пределами не слишком изменилась. Точно как и раньше, была тьма. Правда, теперь не столь непроглядная. На небе появился источник приглушенно-серебристого света. Низко над горизонтом висела, безучастно посматривая на меня, одинокого и всеми забытого, сквозь просвет меж густых облаков, покачиваясь вместе с моим плотом, наполовину полная луна. Размытая в белесой дымке, она освещала пустынное море. Старалась, светила, как могла. Ее серебристый блеск создавал иллюзию видимости горизонта. Указывал на то, что нет сплошной серости, есть серость небесная, есть серость морская. Намекала на существование границы между ними. Красиво все, действительно красиво, можно было даже залюбоваться, но повода не было, как не было и ничего, что походило на серость земную, на берег! Не было земли на горизонте, как не было ее и под днищем плотика.

Позволив мне вдоволь насладиться идиллическим спокойствием, море снова разбушевалось. Плотик качнуло, накренило, подняло ввысь. Лишь миг прошел, и он оказался на гребне движущейся, будто живой горы из воды и пены. Оттуда, просто вагончик на американских горках, плот начал съезжать вниз, с каждой секундой разгоняясь все сильнее. В мановение ока он соскользнул к подножию вырастающей из бездны огромной волны. Спуск прекратился, резко, внезапно, будто плот на самом деле врезался в твердый камень. Я не смог удержаться на ногах, упал и откатился к дальней стенке, сильно ударившись обо что-то податливое, но твер-

дое и упругое.

Снаружи, будто его кто-то включил, сорвался ветер. Он влетел внутрь плота, заставляя раскручиваться хлипкое надувное суденышко. Вслед за этим нас накрыла огромная волна. Не прекращая вращений, плот накрылся, жадно черпая воду.

Казалось, ситуация хуже некуда, но нет, оказалось, вода в надувном плавательном средстве это не так плохо, как могло показаться на первый взгляд. Это же не просто вода, это балласт! Плот сразу же стал тяжелее, а оттого устойчивее, заметно выровнялся, его уже не так сильно болтало. Тем не менее, как и всего в жизни балласта должно быть в меру!

Передвигаясь на четвереньках, не чувствуя замерзших рук, ощущая, как смерзаются кости в коленных суставах, я добрался до клапана. Негнуцимися пальцами затянул шнур, помогая себе зубами, завязал узел. Печально посмотрел вниз на толстый слой воды под ногами, сквозь который продолжал светить мой маленький фонарик. Пожалуй, не лишним было бы немного «разгрузиться», но, увы, это невозможно, во всяком случае, пока волнение не утихнет, пока море не успокоится, вот только успокаиваться оно точно не собирается, шторм лишь набирает обороты.

Воображение заботливо нарисовало картинку – яркий цветной холст, иллюстрирующий ближайшие мои часы, если не дни. Я видел себя грязным бельем, которое забросили в стиральную машину. Порошка добавили. Сейчас, как только

двигатель подключат, начну я полоскаться в условиях малого количества холодной соленой воды.

– Смотреть картинки это хорошо, но правильнее было бы что-нибудь предпринять. Что угодно, чтобы хоть попытаться себя обезопасить. Надо что-то сделать притом уже сейчас, пока море только начинает бурлить, – на редкость правильная мысль заставила меня зашевелиться.

При всей своей разумности она запоздала. Раньше надо было готовиться, раньше надо было думать. Природа давала мне шанс, тогда, теперь же все стало по-другому. Непогода предъявила свои права на окрестные воды и каждого, кому «посчастливилось» в них оказаться. За тонкими стенками плотика шторм уже властвовал безраздельно. Море бурлило, а ветер старался изо всех сил, помогая разгулявшимся волнам.

Первое время балласт кое-как справлялся со своей задачей. Плот держался, его лишь немного покачивало и медленно раскручивало. Это создавало иллюзию относительного спокойствия и пробуждало надежду на скорое спасение. Благоприятствовал подобным мыслям и противный звон в ушах, заглушающий всякие иные звуки, создающий атмосферу обманчивой тишины. Все это вместе убаюкивало, притупляло осторожность. Казалось, ничего страшного не происходит, все спокойно, просто легкий ветерок гонит по морю надувное суденышко, может даже подыскивает подходящее местечко, чтобы выбросить его и меня с ним на берег. Заман-

чивая перспектива!

Жаль, в реальности все было не столь радужным, и очень скоро я это понял.

Сначала вернулся слух. Внезапно, безо всякой на то причины. Ужасающей какофонией нахлынули звуки разгулявшейся стихии. Приятная хоть и насыщенная навязчивым звоном тишина взорвалась громким гулом и диким воем. Вслед за слухом вернулись прочие чувства. Подключилось понимание. Я осознал, что нет никакого медленного дрейфа к удобным берегам, нет, и не предвидится. Понял, что меня бросает с волны на волну, что плотик взмывает ввысь и падает вниз, что я опять игрушка в руках ветра и волн. Понял я все и похолодел от ужаса – теперь балласт не на пользу, плот стал тяжелым, кто знает, как он поведет себя при сильном ударе, пусть даже о те же волны.

Началось. То, чего я подсознательно ждал и осознанно боялся, становилось реальностью, начинался новый раунд противостояния. Начиналось сражение между мной, человеком, и природой, сражение, в котором у меня не было шансов.

Помогая громадным волнам, налетевший порыв шквального ветра уперся в надувные борта спасательного плотика. Тот дрогнул. Смялся. Поддался напору. На мгновение показалось, что сейчас его баллоны сплющатся, лишится он воздуха, сложится, сожмется до тех размеров, которые занимал, хранясь в своем футляре. Казалось, раздавит его ветер, его, да и меня вместе с ним.

Увеличившийся вес плавучей конструкции более не играл никакой роли. Не мог он противостоять стихии, да и ничто не в силах ее усмирить. Она утихнет только тогда, когда сама пожелает утихнуть. Мне же оставалось только гадать, что хуже: проваливаться в создаваемые волнами огромные ямы или катиться кубарем по гребню волны, подгоняемым ветром. Можно только гадать, но, что бы я ни думал, мое мнение ничего не изменит...

Надувная конструкция отозвалась дрожью. Мелко завибрировала она, заставляя дрожать скопившуюся внутри жидкость и меня, стоящего по колени в воде, смиренно склонившего голову.

Мощь стихии возрастала. Дрожь становилась все чаще, к тому же плот продолжал вращаться. Медленно, размеренно, но с каждым оборотом все быстрее и быстрее. Скоро я почувствовал себя человеком, помещенным, если не в детскую юлу, так в огромную центрифугу, в ту, в которой готовят будущих космонавтов. Отвратительные ощущения...

Совсем немного времени прошло, и ситуация изменилась, нет, шторм не утих, просто он перестал меня беспокоить. Накатила апатия и всецело завладела мною. Может я просто смирился? Сдался? Нет, пожалуй, нет. Устал, скорее всего. Устал бороться за жизнь. Вот только умирать не хотелось. Хотелось сопротивляться, но здравый смысл восставал против слабого упорства. Червь сомнений грыз меня, правильные вопросы загоняли в тупик. А есть ли у меня шанс? Кто

я?! Что я?! Игрушка, мыльный пузырь разрываемый стихией.

Плот заполненный воздухом, воздушный шарик с точки зрения волн, катящийся по бурному морю, продолжал свое путешествие в неизвестность. Вода, набравшаяся во время последнего «проветривания», весело хлестала меня по лицу, не позволяя лишиться рассудка. Ей помогали незакрепленные предметы, мечущиеся вместе со мной в тесном пространстве. Колотили они меня по голове, по спине. Больше всего доставалось, конечно же, рукам, они пытались отбиться вот только безрезультатно. Несколько раз я сам себя бил по распухшему бедру, хрипел от боли, надрывно кричал, не слыша собственного голоса...

Подгоняемый ветром, плот катился по волнам. Он падал в бездонные пропасти, его накрывало тоннами воды, выносило на гребни, сбрасывало с них. Сила океана нарастала, ветер крепчал. Похоже, погода, там, за надувными стенами стремительно ухудшалась. Хотя, куда еще хуже! Разве может быть хуже?

Может, еще как может! Волны выросли все выше, пропасти между ними становились все глубже, порывы ветра все сильнее. Особенно донимал ветер, он уже не катил мой плот по воде, он швырял его, сбрасывал с гребней волн, заставляя лететь по воздуху, проваливаясь в бездну.

Еще совсем немного времени прошло, и я действительно смирился. Я сдался, начал мысленно считать волны, рассчи-

тывая не пропустить тот самый «девятый вал». Считал подъемы, спуски, отсчитывал время. То время, которое мне отведено. Я приготовился к скорому концу. Вопреки силам природы, стремящимся поставить меня на колени, выпрямился, взялся за тесемки, непонятно для чего пришитые к стенам надувного плота, цепко схватился за них. Стал прямо, лишь голову склонил и закрыл глаза, в надежде достойно встретить то, что неминуемо случится.

Время шло, гонка по волнам продолжалась. Я ждал конца, плот вертелся, казалось, планета и та вертится вместе с нами. Я стоял, я держался. Зародилась смутная надежда на то, что все еще обойдется, ведь я еще живой, мой плотик цел. Кажется, еще немного и я бы обрел надежду, подобие надежды, но вот пришла очередная новость. Нетрудно догадаться, плохая, рассчитывать на хорошие уже не приходилось...

Сначала был звук. Сам того не понимаю, как в диком реве ветра подгоняющего высоченные волны можно было хоть что-то услышать. Но я услышал. Слабый, но очень уж страшный звук – тихий приглушенный свист. Еле слышимый, он был страшнее рева ветра и плеска волн, он и только он заставил меня выпустить тесемки и рухнуть на колени. Сомнений не было да и быть не могло – из баллонов моего плавательного средства выходит воздух.

Первая мысль, которая поспешила, чтобы хоть попытаться успокоить меня, была о том, что плотик не может представлять собой сплошной надувной резервуар. Это попросту

нелогично, ведь тот, кто его проектировал, должен был беспокоиться о том, чтобы дать мне шанс на спасение. Он обязан был разделить его на несколько независимых секций, и даже потеря воздуха в одной из них не должна стать причиной моей смерти. Плот должен держаться, должен до последнего сопротивляться стихии, он ведь спасательный, он обязан меня спасти!

Как-то слишком уж быстро одна из надувных стоек потеряла упругость. Она обмякла, позволяя углу, который поддерживала, обвиснуть и ввалиться внутрь. Более всего это обстоятельство понравилось ветру. Он тут-таки вдул ткань вовнутрь, создавая своеобразный парус, ухватился за образовавшийся выступ и принялся вертеть меня, с каждой секундой увеличивая скорость.

Новый звук, еще более страшный звук – хлопок. Он прозвучал немногим громче недавнего свиста, но испугал меня еще больше. Гадать о том, что послужило его причиной, не было необходимости. Сдался еще один баллон. Похоже, я напрасно рассчитывал на неизвестного мне проектировщика – потеря одного резервуара сказалась на надежности конструкции в целом. Хотя, может тот, кто создал надувное средство спасения, кто придумал его, он и не виноват? Может плот бракованный попался, может долго лежал упакованный в свою пластиковую «скорлупку» вот и вышел его срок годности? Или один из использованных мною шприцев нашел-таки, что уколоть кроме меня...

Странные мысли дружной толпой полезли в голову. Сознание, стараясь отодвинуть на задний план понимание очевидного факта, было готово ухватиться за любую соломинку, лишь бы не думать о том, что конец близок. Какая мне разница, кто виноват, что виновато в том, что случится уже скоро! Важно не это, важно другое – плот стремительно теряет плавучесть.

Баллон разорвался снаружи. Полагаю, вырвало большой кусок ткани. Плот закрутило с невероятной скоростью, еще один угол прогнулся, будто проломился, в нижней его части образовалось утолщение, не иначе как вода набиралась в разорванную тканевую стойку.

Как ни странно, это обстоятельство оказался очень даже кстати. В разорванный резервуар для воздуха быстро набралась вода, заполнила его по всей длине, накренила мое суденышко, в результате чего образовался своеобразный киль. Он заставил плот перевернуться, зато тот обрел некоторое подобие устойчивости. Сидеть стало совсем неудобно, но это терпимо, главное, теперь меня швыряло исключительно в двух плоскостях, а это оказывается не так страшно!

Стоило мне смириться с переменами, как ситуация снова поменялась. Перекрикивая завывания ветра и рев перекачивающейся воды, до моего слуха донеслись отчетливые крики. Сначала я и вовсе воспрянул духом, принимая звуки за человеческие голоса, но скоро понял – кричат чайки. А это тоже неплохо! Тем более что теперь птичьи голоса не игра

воображения, настоящие они, живые. Противные и назойливые, в этот раз они казались чуть не приятнее музыки.

– Берег, рядом берег! – закричал я и осторожно приподнялся, намереваясь встать.

Благодаря обретенному центру тяжести – порванному и заполненному водой баллону, удалось устоять на ногах, правда, пришлось постараться, чтобы выловить фонарик. Луч света быстро промчался по стенам. Скоро нашелся вход. В процессе трансформации спасательного средства он сместился и находился чуть выше уровня моих глаз. Пожалуй, это было неплохо, как и то, что плот продолжал держаться на воде. Немного портил настроение тот факт, что пространства становилось все меньше. Это могло свидетельствовать лишь о том, что мой надувной кораблик продолжает сдуваться, теряет он воздух, притом стремительно.

Развязаны тесемки. В лицо пахнуло холодным воздухом, сильно сдобренным морской пылью. Контраст между атмосферой закрытого плотика и пространством снаружи был столь сильным, что у меня перехватило дыхание. Я закашлялся. Остро захотелось снова запаковаться, спрятаться внутри, где хоть немного теплее.

– Земля! Эй! Я здесь, спасите меня! – с трудом услышал я свой голос. Тихий, слабый, практически неразличимый на фоне рева бурного моря.

Совсем рядом, казалось, всего в десятке метров, отчетливо виднелся берег, нагромождение невысоких скал, о кото-

рые разбивались волны. Да, это не мираж, не игра воображения! Пусть темно, пусть все размыто, пусть нечетко, пусть глаза застилали слезы, сомнений не оставалось – там земля! Да и какие могут быть сомнения, если вот он, рукой подать, яркий, ярче луны, мерцающий свет маяка, а ниже длинный ряд светящихся окон.

Понимая, что так меня никто не услышит, я выставил руку с фонариком из плотика, которым продолжала забавляться стихия, принялся светить в сторону берега. Включал и выключал свет, в жалкой попытке подать сигнал бедствия. Энтузиазм, который наполнил меня, стоило увидеть поблизости людские жилища, тут-таки улетучился. Его место заняла прагматичность. Ладно, я их вижу, они вон как ярко светят. А я, а мой копеечный фонарик!

– Ракеты, у меня должны быть сигнальные ракеты! Плот он ведь не просто плот, он спасательный... – ярче блеска отблесков маяка вспыхнула мысль. Я принялся шарить в складках того, что еще недавно было практически полноценным плавательным средством.

К тому времени мое надувное суденышко сжалось как высушенный абрикос. Материал, из которого оно было сделано, огрубел, стал жестким, казалось, еще немного и он начнет ломаться. Воображение тут-таки заботливо нарисовало картинку как я, окутанный плотной тканью, брезентовым саваном, плавно погружаюсь в пучину, медленно, почти величаво ухожу на дно морское. Тысячи огромных крабов строй-

ными рядами стоят внизу, машут клешнями, приветствуют меня. Радуются новому блюду в своем скудном северном рационе.

Ни видеть, ни представлять дальнейшее не хотелось.

Работая всем телом, я принялся расталкивать толстую ткань. Изо всех сил старался вспомнить, где лежат ракеты, или хотя бы догадаться, где они должны находиться. Руководствуясь логикой, сигнальные средства должны быть недалеко от входа, а там...

Очень скоро я запутался. Продолжая выпускать воздух, конструкция, которая все стремительнее превращалась в ловушку, окутывала меня, оплетала, будто заворачивала в кокон. Преодолевая вялое сопротивление надежды, логика упрямо твердила – на этом твое путешествие и закончится, в таком виде ты и пойдешь на дно морское.

Но вот удача! Удалось нащупать что-то похожее на сигнальные ракеты. Плотные упакованные в полиэтилен продолговатые цилиндрики. То это или нет, думать было некогда. Схватив пакет, я принялся карабкаться к выходу, чувствуя, как вода плещется совсем рядом, отделенная лишь тонкой прорезиненной перегородкой. Вот голова выбралась наружу, за ней последовала рука, одна, вторая.

Зубы впились в грубый целлофан, разорвали его. Содержимое пакета вывалилось в море. Удалось удержать только одну ракету, остальные поглотила пучина. Но это уже шанс! Пальцы цепко ухватили цилиндр, нащупали рельефную кры-

шечку. Намертво схватили ее, принялись откручивать. Один оборот, еще один. Наружу вывалилось проволочное колечко. Я, как мог высоко, поднял руку, вывернул кисть, резко дернул на себя, инстинктивно закрывая глаза.

Нет, не угадал, это не ракета. Фальшфейер! Он ярко вспыхнул, породив всплеск надежды. Яркий огонь, пылающий в руках гораздо лучше ракеты, гораздо надежнее! Тем, кто находится на берегу, оттуда, с маяка все будет видно. Они узнают, где я нахожусь. Они быстрее спасут меня. Выручат...

Ядовито-красный огонь быстро догорал. Вокруг меня сгустилась темнота. Волны, о существовании которых я на минутку забыл, всецело отдаваясь надежде, вновь напомнили о себе. Меня, теперь уже просто завернутого в прорезиненную ткань, в складках которой оставалось немного воздуха, с силой подбросило вверх. Развернуло на гребне волны, не иначе как для того, чтобы я успел бросить последний взгляд на отблески яркого маяка оставшегося далеко позади.

Промелькнула очередная лишняя всяческого смысла идея. Я вдруг вспомнил о веслах. О пластиковых веслах, более похожих на теннисные ракетки, что были укреплены вдоль бортов. Ведь ними же можно грести! Можно подогнать мой плотик к скалам, пусть меня выбросит на острые камни, так хоть умру на суше. Но разве можно грести куда-нибудь, находясь в коконе!

Стихия продолжала свои развлечения. Очередная волна

накрыла меня с головой, вдавила в толщу вод. Я погружался все глубже и глубже, боясь пошевелиться, практически не сомневаясь в том, что остатки воздуха уйдут, а выплыть мне так и не удастся.

Нет, еще не время, вытолкнуло меня море. Мгновение и я снова летел над волнами, ожидая неминуемого падения. Очередной гребень, очередная волна.

Стало светло. Действительно светло, просто как днем. Мне тут-таки вспомнился яркий свет маяка, оставшегося позади. Вслед за этим представился сторожевой катер, освещающий море ярким прожектором.

– Это же оно, это спасение! Так и должно быть, да, так и есть, меня сейчас спасут, меня уже спасают!

Свет разгорался все ярче, он бил в лицо, заставляя зажмуриваться. Захотелось поднять руки, помахать своим спасителям, поблагодарить их, но левая рука безвольно обмякла, а правую поднять было попросту невозможно, слишком уж надежно меня спеленали волны. Но это ничего, главное – выжил, а поблагодарить я всегда успею.

Глаза на мгновение закрылись, но и этого было достаточно, чтобы все опять стало по-другому. Не было спасателей, катера тоже не было. Остался только прожектор, да и тот оказался луной. Удивительно ярким полумесяцем, низко висящим над размытым покачивающимся горизонтом. Висел он и с любопытством заглядывал мне в лицо. Будто спрашивал: «А надолго ли тебя хватит?». В его серебряном свете бурное

море перестало казаться бурным. Все словно замерло. Даже волны, бросающие меня с гребня на гребень, выглядели ужа-сающими, высокими, но статичными.

Общая картинка умиротворенности странным образом подействовала на меня. Я разжал руку, удерживающую дав-но догоревший фальшфейер, коснулся груди, того места где когда-то очень давно висел крестик. Закрыв глаза, попытал-ся вспомнить молитву. Неважно какую, лишь бы молитву.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое... – мои губы прошептали то, что удалось вспомнить разуму.

Меня, завернутого в плотную ткань, снова качнуло, закру-жило. Очередная, не знаю какая по счету, волна накрыла ме-ня, прижала, вдавливая в толщу вод. Точно как и прежде, погружение было недолгим. Благодаря тому, что у прорези-ненного плота еще оставался небольшой запас плавучести, меня вышвырнуло на поверхность, я взлетел на несколько метров, завис над бурным морем, жадно хватая воздух, при-правленный брызгами со вкусом морской соли. На мгнове-ние мне снова удалось увидеть путеводный свет. Яркую звез-ду, установленную на верхушке высокой башни. Был ли это тот маяк, который я уже видел, или другой, разобрать так и не удалось. С той же скоростью, с какой вылетел из воды, я рухнул вниз.

Совершенно неожиданно море успокоилось. Замерло. Стих ветер, лишь луна равнодушно созерцала ставшую иде-ально ровной морскую гладь. Даже дорожка образовалась на-

стоящая лунная. Вытянулась она, начинаясь в метре от меня, заспешила к небесному светилу, теряясь среди чего-то угольно-черного...

– Земля! Скалы!

Впереди, нависая над морем, виднелась темная масса, куда более темная, нежели сплошная серость вокруг меня. Над ней, подмигивая, разгорался луч света. Он звал меня, манил к себе.

Рука, казавшаяся мне неподвластной, вдруг ожила и принялась загребать ледяную воду. Она давно уже не ощущала холода, она превратилась в бездушный предмет, в некогда живое весло. Она старалась, гребла, как могла, вот только берег не приближался.

Как же быстро все меняется в холодных морях! Новый порыв ветра закружил меня, волна вздыбилась, отгоняя плот от берега. Я сопротивлялся, ругался вслух и про себя, греб, но что может одна замерзшая ладонь!

Волна оттащила меня от берега. Свет маяка, то даривший надежду, то отнимавший ее, вновь померк. Я попробовал закричать, но стена ледяной воды заставила меня умолкнуть.

Стихия же продолжала бесчинствовать. Вернулись звуки, ранее сводившие меня с ума: рокот волн, рев океана, свист ветра. Только теперь не пугали они, они успокаивали. Говорили, мол, все нормально, все хорошо, ведь ты жив, пока еще. Правда, это ненадолго. Вот схватим мы тебя, да швырнем на каменную стену...

Меня подняло на гребень огромной волны. Удивительно отчетливо в серебряном свете луны я увидел пейзаж подо мною. Узкий каменистый мыс, на краю которого возвышалась башня маяка. На нем источник света. Маленький такой, но удивительно яркий. Несколько зданий вокруг. Скорее всего, старые, обветшалые, но в свете луны они казались уютными, надежными и гостеприимными. За мысом и за маяком виднелась бухточка. Продолговатая полоска воды, с трех сторон защищенная каменными стенами. Вода в ней, искрящаяся в лунном свете, такая гладкая, такая спокойная не то, что бешеные волны океана, вот бы там оказаться!

На мгновение показалось, будто моя наивная мечта сбывается, будто вот-вот перебросит меня бурное море через каменную преграду, забросит в бухту, даст возможность отдохнуть от борьбы за жизнь. Нет, мечты так и останутся мечтами. Берег действительно приближался, он был все ближе, но несло меня на скалы. Не было сомнений, никакая волна не в силах перенести человека через этот мыс. Даже если это самая заветная его мечта. Она может только разбить несчастного о камень.

Волна, служившая мне упором, исчезла. Я почувствовал, что падаю, снова вниз, благо, пока только в воду.

Меня накрыло водяным валом, плот, который саваном укутывал меня, завертелся, вращая видимый кусочек мира. Страх, который периодически накатывал, растворился, освобождая место спокойствию, подлинному, ни с чем

несравнимому.

Пробкой из бутылки я вылетел из воды. В очередной раз удивился, как столь мизерное количество воздуха, которое хранили складки ткани, может удерживать меня на поверхности! Правда, удивляться не хотелось. Уже ничего не хотелось, хотелось просто покоя.

Все повторяется, а в последнее время повторяется слишком часто. Я опять оказался на гребне волны. Высокой, чуть ниже той скалы с маяком. Меня снова понесло на камни. Теперь я был уверен – вот он мой покой. От этого удара мне не оправиться. Выбор неширок, или упокоиться в неизвестных мне водах неизвестного мне моря у неизвестного скалистого берега, или гнить на камне, подкармливая птиц. Правда, выбирать не мне.

Скалы все ближе. Низко у самого горизонта из пелены облаков выглянула луна. Подмигнула на прощанье, скрываясь за очередной тучкой, погасла, будто выключил кто. В неумолимо меркнувших отблесках ее лучей я разглядел маленький полуостров – каменную глыбу, соединенную с берегом тонким перешейком. На перешейке лежал снег, даря мне надежду. На этот раз действительно последнюю надежду. Если меня бросит на снег, у меня будет шанс, призрачный шанс, жалкое подобие шанса.

Волна подо мною слабела, я опускался ниже и ниже. Ни решать что-то, ни видеть хоть что-нибудь я уже не мог. Оставалось только закрыть глаза и ждать решения, решения выс-

шего суда...

Глава вторая

На краю света

Потрясающая картина, просто дух захватывает! Давненько я не видел ничего прекрасней. Над моей головой ярко светят звезды, прогоняя мрачные воспоминания последних дней. Весело подмигивают они, будто радуются за меня, будто пытаются что-то сказать. Наверняка что-то хорошее, приятное что-то, вот только что именно не понять, да и разбираться в таких тонкостях совершенно не хочется. Лишнее все это. Радость меня окрыляет, большая, да просто огромная. Ведь я живой! Действительно живой! Скорее всего. Для полной уверенности не хватает одной мелочи – боли. Точно знаю, она верный признак существования, что жизнью зовется...

Гораздо ниже звезд, огромная, будто лежащая на вершущке ближайшей сопки, небольшой горы с округлой вершиной, расположилась луна. Она, бледная и торжественная, украшает собой небосвод, затмевает холодный свет далеких звезд, переливается, играя цветами и оттенками. Я ей совершенно не интересен. Подмигивает она, меняет насыщенно желтое свечение на ледяной серебристый оттенок, после обратно. Отсюда, снизу, мне, случайному наблюдателю, кажется, будто растерялась небесная модница, будто не может она решить, какой наряд примерить, во что облачиться, в золото или

серебро. Вот бы мне ее заботы!

В блеклом переменчивом свете ярчайшего светила полярной ночи я кое-как огляделся. Присмотрелся к каждому фрагменту унылого пейзажа, стараясь запечатлеть в памяти как можно больше деталей. Закончил осмотр, закрыл глаза, попытался сложить воедино и проанализировать картину окружающего мира. Почти сразу понял – анализировать-то по большому счету и нечего. Нет, правда, вокруг блеклый и как бы размытый пейзаж, северное побережье, ничего выдающегося, ничего уникального! Половину видимого мною мира занимает серое нагромождение бесформенных камней, над которыми сияет луна, другую – точно такая же каменная громадина, вот только без небесной подсветки.

Собственно, ясно было только одно – меня выбросило на берег. Мысль отозвалась счастливой улыбкой. Казалось, мелочь, казалось, это любой поймет, да и просто, что в этом особенного? А вот и нет, это хорошая новость, да просто отличная новость, как минимум, для меня. До чего же приятно чувствовать землю под ногами, лежать на ней. Земля, она всегда земля, надежная она, устойчивая, это вам не бурные волны безбрежного океана! Не совсем понятно, правда, как мне удалось уцелеть, ведь я летел на камень, пусть и присыпанный снегом. Кстати, где он? А снег где?

Медленно, будто нехотя, зашевелились клеточки серого вещества. Одна за другой начали выплывать из глубин памяти картинки бесконечно долгого паденья с гребня волны.

Удивительно яркие они и это притом, что все происходило в условиях практически полного отсутствия освещения. С каждым кадром воспоминаний все отчетливее виднелся маленький клочок суши, засыпанный снегом, на который я должен был упасть. Просто удивительно до чего же подробно его запечатлело мое сознание!

Ага, вот интересная деталь. Немного правее особенно темным на фоне сплошной темноты проявился узкий проход между скал. Расщелина. Там, серый в лунном свете, бурлил мощнейший поток – воды океана, врывающиеся на сушу. В десятке метров поток успокаивался, разливался вширь, образуя небольшое соленое озеро. Занимательно!

Да, все свидетельствовало в пользу того, что я немислимым образом пролетел дальше, чем можно было на то рассчитывать. Каким-то чудом мне удалось избежать удара о скалы, удалось выжить, удачно плюхнувшись в воду. Та подхватила меня, приливным потоком вынесла на сушу, точнее, занесла в округлую низменность, которая во время прилива соединялась с морем и заполнялась его водами. Наверняка это одна из множества морских свалок, место, куда волны выбрасывают то, что им ненужно. Вот и меня выбросили.

Довольно-таки разумная мысль, случайно посетившая меня, частично подтверждалась тем, что глазу удалось разглядеть множество всевозможных объектов, большую часть из которых идентифицировать в свете луны было невозможно. Из того, что ближе и понятнее – несколько пластиковых по-

плавков от сетей, они, похожие на гири гимнаста, мирно лежали на песке, образуя вокруг меня практически идеальную окружность. «Свечи бы на них расставить да зажечь и можно устроить настоящее ритуальное жертвоприношение. Принести меня в жертву Посейдону!» – очередная глупая мысль, кто знает, какая по счету она...

Чуть в стороне, аккуратной горкой, будто кто-то специально сложил, виднелись круги пенопласта – части рыбацких снастей. Сами сети также были, расправленные и наваленные на кучу, между ними, будто удавы, шевелились волнующие неспокойной водой несколько толстых канатов. Дальше от центра лужи расположились пластиковые канистры, за ними ящики, доски, а ближе к «суше» выстроились стройными рядами огромные камни, заботливо отполированные неугомонными волнами.

Нет, это все ладно, мусор, он и есть мусор, но откуда такое количество бревен? Просто не побережье, а лесоповал какой-то! Куда ни глянь, увидишь тонкие бревнышки и мощные стволы деревьев, лишённые веток. Везде они: под сетями и над ними, покачиваются на воде, лежат на камнях, а вот что особенно неприятно – одно из них (далеко не самое легкое!) давило на меня всей своей массой, не давая ни повернуться, ни пошевелиться. Судя по тому, как меня втиснуло в песок, я прибыл первым, оно же подкралось следом...

Попытка приподняться ни к чему не привела. Вообще ни к чему! Тело меня не слушалось, лишь веки лениво подни-

мались и опускались, открывая и закрывая глаза. Я поначалу перепугался, решив, что это паралич, кара куда более страшная, чем быстрая смерть от удара о скалы. Догадка грозилась обернуться паникой, но тут левая рука, которая буквально оплелась вокруг шеи, внезапно напомнила о себе вспышкой острой боли. Сильная и внезапная она зародилась на кончиках пальцев и электрической дугой пронеслась по всему телу. Думаю, это отступил болевой шок. Тут-таки мышцы свела судорога, она же заставила меня вытянуться, скручивая и без того скрюченные конечности. Я закричал, сильно, надрывно, в пустоту. Громко получилось, вот только никто не обратил на мои вопли ни малейшего внимания, да даже чайки и те меня проигнорировали.

Некому было оценить коктейль из чувств, что слились в коротком крике. Жаль, ведь все в нем смешалось: и ростки отчаянья, и отголоски боли и, что и вовсе удивительно, нотки подлинной человеческой радости, граничащей с самым настоящим счастьем. Нет, понять меня нетрудно, все-таки это подтверждение, это именно то, чего я и ждал. Живой я, что ни говори, вне всякого сомнения, живой...

– Живой это хорошо, теперь надо понемногу собирать себя в единое целое...

Изворачиваясь, демонстрируя невиданную пластичность, помогая себе головой, напрягая и ослабляя мышцы шеи, мне удалось высвободить левую руку. Распутал я ее, распрямил, позволяя потокам крови наполнить долгое время передав-

ленные сосуды. Далеко не самое приятное ощущение! Тотчас почувствовалось отвратительное покалывание, под кожей пробежало стадо воображаемых мурашек, громко топая своими воображаемыми ножками. Вновь захотелось взвыть, но был ли в этом смысл? Вряд ли. Да и разве это боль? Что подобная мелочь в сравнении с недавними судорогами!

Очередное усилие и удалось поднять тяжеленную голову, оторвать ее от такого удобного и мягкого песка. Глаза сфокусировались на теле замотанном в оранжевое покрывало окончательно потерявшего воздух плота. Внимательно осмотрели толстое бревно, лежащее поперек, просто на многострадальных моих ногах. Закрылись, предоставляя мне возможность вдоволь пофантазировать на тему, что произойдет, когда я освобожу распухшую конечность, когда к ране подойдут потоки свежей крови.

Почти сразу, останавливая прилив фантазии, глаза широко открылись. Внимательно осмотрели бревно, дотошно. Сознание педантично отметило тот факт, что это сосна. Странные у него развлечения, разве есть в этом смысл?!

Понемногу чувства начали возвращаться. Первым, последовав сразу за болью, вернулся слух, странно, но до того я не замечал окружавшей меня тишины! Ведь если вдуматься то и свой крик я не слышал, он просто отозвался отголоском глупой мысли, очередной, лишенной малейшего намека на логику.

Теперь же атмосфера вокруг меня буквально взорвалась

оглушающей какофонией, насыщенной смесью всевозможных звуков. Сначала в сознание проникли крики чаек, органично в ссору птиц влился шум волн, напоминая о событиях, помнить которые не хотелось. Ничего не поделать, рядом океан, бурный и своенравный, шумел он по-прежнему, не собирався утихать, несмотря на умиротворяющее спокойствие океана небесного.

Удивительно тихим на общем шумном фоне выглядел ветер, чуть слышно завывал он где-то в вышине, пронеслись воздушные массы выше уровня окружающих мое озерцо скал...

– Да, оказывается спокойствие только здесь под бревном. Кто бы мог подумать, что это лучшее место на всем земном шаре!

Прогоняя мысль, без усталости твердившую о том, что потерянная тишина была подлинным счастьем, и что лучше бы и дальше ничего не слышать, я начал действовать. Правильную, но несвоевременную цель во всем разобраться и понять, куда меня забросила судьба, пришлось отодвинуть на второй план. Первым делом надо было выбраться из-под бревна. Трудная это задача. Конечно, можно доверить свое спасение природе, подождать, пока прилив достигнет пика, понадеяться на то, что он облегчит мне труд, сбросит тяжелое бревно, поможет мне. Кто знает, возможно, это правильное решение, вот только в моей ситуации гораздо проще было поверить в то, что волны придавят сильнее, накатят на

меня еще одно бревно, а то и не одно.

Маскируясь под воспоминание, промелькнула очередная нелепая фантазия, я почему-то подумал, что подобное уже случилось. Нет, правда, было такое. Возможно, несколько по-другому все выглядело. К примеру, не бревном меня придавливало, а чем-то другим, но не менее тяжелым. Воображение, ухватившись за ниточку, тут-таки развило тему, пририсовало вокруг меня грудку искореженного металла с осколками битого стекла...

Также быстро, как и появилась, странная мысль исчезла. Я же взялся за свое спасение. Действовал методично, но с максимальной осторожностью. Изо всех сил напрягал мышцы, сжимая зубы от боли, которая с каждой секундой усиливалась. Постепенно удалось вернуть ощущение тела. Почти всего тела. Бедрa, на которые приходилась вся немалая масса бревна упорно не отзывались. Думаю, оно и к лучшему.

Я продолжал. Я не сдавался. Двигался, подражая некоему неведомому пресмыкающемуся, и вот он результат – удалось заметно расширить свободное пространство. Совсем немного времени прошло, и я уже мог достаточно свободно двигаться. Более того, мне удалось высвободить правую руку, вытащить ее из-под спины.

Тут не поспоришь – две руки гораздо лучше, чем одна. Цепляясь ними за складки ткани, я начал подтягиваться. Медленно и неторопливо. Рывок, еще рывок. Поднял туловище вертикально, осмотрелся. Пальцы нащупали длинную

и узкую щель, идущую вдоль бревна, впились в нее. Поза показалась крайне неудобной, к тому же логика намекала на то, что так я увеличиваю давление на ноги, а им и без того нелегко. Надо было что-то менять. Решение нашлось быстро – я выставил руки назад, оперся на них. Стало гораздо лучше. Физически, да и морально тоже.

Глубоко вдохнул, чувствуя прилив сил, наполняющих долгое время обездвиженное тело. Откинул голову назад, наслаждаясь удивительным морским воздухом.

Наверняка я бы долго так полулежал, но ситуация не терпела бездействия. Надо было что-то делать, притом уже сейчас. Я резко выпрямился, уперся обеими руками в бревно, попытался сдвинуть его с места. Оно не шелохнулось да это и неважно, самое сложное я уже сделал – я поверил в свои силы, поверил в то, что смогу, в то, что сделаю.

Глаза сфокусировались на простом, но очень полезном предмете. Совсем рядом со мной серый среди сплошной серости виднелся брусок, достаточно длинный, не слишком толстый. Он отлично подошел бы на роль рычага, вот только как я ни старался, дотянуться до него не получалось. Максимум, чего удалось добиться – прикоснуться к нему кончиками пальцев, но и это уже было кое-что. Это была цель! Вся моя воля сконцентрировалась на ней. Стараясь изо всех сил, я тянулся к находке. Отвратительно хрустели суставы, грозили разорваться сухожилия, неестественно изгибался позвоночник. Возвращалась боль, но был и результат. Усилие, за

ним еще одно и вот уже не только фаланги чувствуют шершавое дерево, пальцы схватили полезную находку. Цепко схватили, теперь уже не выпустят!

Еще одно усилие, сильнейшее напряжение, казалось, совсем немного и я сломаюсь пополам. В подтверждение противно заскрипели суставы, намекая на то, что их подвижность имеет предел.

Есть! Брусок, зажат в руках, я же безвольно рухнул на спину, позволяя организму передохнуть.

Отдых. Заслуженный отдых. Вдох, выдох, снова вдох...

Небольшой штришок к портрету, монетка в копилку воспоминаний. Да, я почти уверен, что в моем прошлом был спорт, без него не обошлось! Как минимум, без гимнастики. Подвижность у меня как у обезьяны. Сам себе поражаюсь! Я смог вырыть ямку под бревном! Умудрился затолкать в нее брусок, отличный инструмент, превосходный рычаг. Приподнял его, положил себе на плечо. Передохнул. Напрягся сильнее.

Покачнулось! Чуть-чуть еле заметно. Есть! Толстое бревно сдвинулось с места. В тот же миг кровь, хлынувшая в ноги, разбудила во мне раненного медведя. Полутьма в глазах взорвалась ярким салютом цветных искорок, голову наполнил все нарастающий гул. Казалось, сейчас сознание не выдержит, уйдет, сбежит, громко хлопнув дверью, но нет, каким-то чудом мне удалось его удержать. Более того, я даже не выронил рычаг! Я упирался, я терпел, я кричал, я выл,

но не сдавался. Держался из последних сил, старался заглушить боль верой, мысленно сулил организму все блага земные, лишь бы он меня не подвел.

Отдых. Короткий отдых. Глубокий вдох – медленный выдох. Боль притихла. Стало легко и даже чуточку спокойно, в довершение праздника удалось пошевелить пальцами ног. Чуть-чуть совсем немного, но это почти победа!

Очередной подход. Я затолкал брусок-рычаг глубже, собрался с силами. Неимоверное усилие и придавившая меня колода выпустила добычу! Сам не понимая, как это у меня получается, я одновременно удерживал шаткую конструкцию и выползал из-под нее. Несколько секунд нестерпимой боли и вот одна нога на свободе. Еще совсем немного и вторая последует за ней. Последнее усилие, рывок, еще рывок. Все!

Я рухнул на спину, сильно ударившись о камень укрытый липкими водорослями. Боли не было, а если и была, то она тут-таки потерялась среди множества далеко не самых приятных ощущений последних дней. Искры в глазах постепенно померкли, теряясь на фоне холодных звезд. Сознание, обрадованное тем, что ему удалось, что оно справилось, смогло высвободить тело, сочло допустимым удалиться. Нахлынуло блаженное забытье.

Не могу сказать, сколько времени оно ленивое прогуливалось по мрачным окрестностям приютившего меня побережья, но когда глаза наконец-то открылись, они увидели те-

ло, почти полностью лежащее в воде. Она была везде, она все прибывала, но не бурным потоком, а медленно, неторопливо. Под ее воздействием зашевелилось «мое» бревно, покачнулось оно, примерилось, не иначе как собиралось снова меня придавить.

Ну, уж нет, не дождется! Я перевернулся на живот и пополз, цепляясь руками за кочки, камешки, вырывал редкие сухие стебли, старался, не жалея кожи ладоней. С каждой частичкой мгновения ползти было легче, то ткань плотика, что тянулась позади, сползала, нехотя выпускала запутавшегося в ее складках человека.

С огромным трудом удалось добраться до участка суши, куда прилив точно не доберется. Границы появляющегося и исчезающего водоема несложно было различить даже в неярком свете наполовину полной луны.

Все! Я смог, я справился. Измученный организм снова потребовал передышку. Перечить ему сил не оставалось, но надо было выбрать подходящее для этого место. Я приподнялся, стал на четвереньки. Огляделся. Посмотрел вниз, там песок, покрытый слоем грязного снега – не лучшая поверхность для отдыха, но в паре шагов впереди виднелся плоский камень с достаточно ровной верхней гранью. Почти табурет. «Лучшей «мебели», чтобы присесть, перевести дух и подумать о будущем, найти вряд ли удастся».

Легким движением ладони я смел снег с природного сиденья, подполз ближе, устроился, попытался расслабиться.

Воспользовавшись ситуацией, рана на ноге напомнила о себе ноющей болью. Да, обезболивающее все еще продолжало действовать, но это были последние его минуты. Это намек, это сигнал, надо что-то предпринять, для начала хотя бы выяснить, что послужило причиной опухоли. Жаль, медик из меня...

– Даже дилетанту ясно – кость не сломана, а это очень даже хорошо. Не перелом, но что тогда? Ушиб? Хороший ушиб! Резаная рана? Возможно, но кое-что не сходится – костюм в том месте цел. Хотя я мог надеть его после того как поранился. Что из всего этого следует? Не знаю. В любом случае без осмотра не обойтись, – бормотал я, глядя на распухшую ногу, – а для этого надо раздеться. Надо, но сначала разведка. Кто знает, вдруг настоящего доктора найду! Правда, в это мало верится...

Просто у меня под ногами тонкой прямой линией на относительно белом снегу что-то чернело. Стараясь не беспокоить лишний раз рану, я вытянул больную ногу вперед, присел, опираясь на здоровую, ощупал находку. Труба. Водопроводная труба чуть больше метра длиной, да еще и с удобным уголком с одной стороны! Просто трость, бюджетный так сказать вариант. Немного тяжеловата она, зато прочная и удобная. Подарок судьбы!

Медленно и осторожно, стараясь перенести весь свой вес на металлическую подпорку, я встал, выровнялся, чувствуя себя канатоходцем, под ногами которого бездонная про-

пасть. Зафиксировал положение, слегка потоптался на месте, привыкая. Обернулся, огляделся.

Вокруг, насколько можно было видеть в неверном свете луны, простилался одинаковый совершенно пустынный пейзаж. Каменистая местность, не горы, нет. Сопки вокруг, небольшие возвышения, пологие склоны которых покрыты грязно-белым снегом. За одной из них спряталось ночное светило, наверняка ему надоело висеть неподвижно, разглядывая пустошь лишённую всяческой индивидуальности.

Вода тем временем продолжала прибывать в открытое мною озерцо. Береговая его линия плавно приближалась к границе максимального прилива. Чернильным пятном посреди разрастающейся лужи покачивался плотик, спасший мне жизнь, при этом не единожды пытавшийся ее отобрать. Он планомерно удалялся, медленно кружил, подталкиваемый слабым течением. Казалось, уплыть собирается, бросить меня на произвол судьбы. Он конечно не спутник мне, не друг, чтобы о нем так думать, но слишком уж многое нас связывало. Надо его выловить. Обязательно. Тут вопрос не какой-то там патологической дружбы человека и вещи, все гораздо прозаичнее. Среди складок прорезиненной ткани осталось много полезного, в том числе и еда. Нельзя допустить, чтобы последний мой «скарб» вынесло отливом обратно в океан.

Я тяжело вздохнул, обреченно склонил голову, шагнул в воду, побрел к плоту, изо всех сил стараясь не споткнуться.

ся и не упасть. Прощупывал импровизированной тросточкой дно, отталкивал плавающие на поверхности поплавки, доски, куски пенопласта.

Хорошо, что озерцо небольшое и не слишком глубокое. Очень скоро мне удалось схватиться за одну из веревок, опоясывающих то, что совсем еще недавно было плавательным средством. Преодолевая сопротивление природы и упорство своего тела, потащил «улов» к условному берегу. Ступил на песок, забросил край ткани себе за спину, будто тяжеленный мешок, склонился, стараясь не слишком утруждать больную ногу и при этом двигаться по возможности быстро, шагнул вперед.

Как-то совсем уж некстати вспомнились знаменитые бурлаки, но развивать эту тему не хотелось, не до того было...

Пройдя с десятков шагов, я решил – достаточно. Большая часть полотнища вытянута из воды, вряд ли его затянет обратно. Плюс к этому осознание истины – дальше я просто не пройду, сил не хватит.

– Все! – выдохнул я и рухнул на песок, выронив свою поклажу.

В тот же миг все потерялось, растворилось в густеющих сумерках. Полутьма, слабо разбавленная светом далеких звезд да рассеянным лунным блеском, стала заметно плотнее, казалось, опустилась она на меня, накрыла черным покрывалом, скрывая все на свете. Скорее всего, я уснул, а может, просто потерял сознание. Неважно. В моем положе-

нии оба эти состояния были полностью тождественными.

Как бы там ни было, открыв глаза, я почувствовал себя значительно лучше, бодрым и даже чуточку отдохнувшим. Правда, боль в ноге заметно усилилась, явно последняя доза обезболивающего средства отработала свое. Еще и бедро стало заметно толще, сдавливала его прочная ткань, добавляя колорита и без того отвратительным ощущениям. «Надо снять костюм, посмотреть, узнать, что там, в чем причина, – со вздохом подумал я. – Надо, но как не хочется этого делать...».

О том чтобы раздеваться на открытом пространстве не могло быть и речи. Не те погодные условия. Пусть костюм и справлялся со своей задачей, удерживал тепло, но кожа на лице и ладонях буквально одеревенела, досталось ей, то вода, то холод.

– Полезное изобретение этот костюм. Да и я не сглупил, надевая его. Он обязательно поможет выжить. А нога, – бормотал я, глядя в пустоту усыпанного звездами неба, – нога подождет, придется ей подождать, потерпеть придется, нет у меня другого выхода, кроме как терпеть. Конечно, так не может продолжаться вечно, всему есть предел, в том числе и терпению. Но так надо. Прежде всего, я обязан найти укрытие, ведь это север, если разгуляется непогода – никакой гидрокостюм не спасет. Найду, устроюсь, там и...

Пока я пребывал в беспамятстве, прилив сменился отливом. Море ушло, забрало свои воды, оголив песчаное дно и

все, что на нем скопилось. Отчетливо в полутьме виднелся плотик. Вывернутый и вытянутый в длину он меньше всего напоминал плавательное средство, скорее то была оболочка воздушного шара, потерявшая объем. Унылая картина – бледная иллюстрация крушения, она пробудила беспокойство. Да, большую часть матерчатого суденышка я действительно вытащил за пределы изменяющегося водоема, вот только поперек оболочки, в метре от границы прилива лежали два бревна, не иначе как море решило отыгаться, придавить если не меня, то мою надежду на выживание. «Нельзя все так оставлять. Начнется прилив, примется он играть своими деревяшками, раздавит все, что только осталось внутри плота. Надо поднатужиться, довести дело до конца...» – мрачно подумал я, стараясь не вспоминать о больной ноге.

На удивление быстро удалось оттащить бревна, освободить полотнище. Я присел у «двери», слегка расправил ткань и принялся шарить рукой внутри плотика, подпитываемый малопонятной уверенностью, твердившей о том, что нужная мне вещь находится именно там, у входа. Минуты сменяли друг друга, надежда меркла буквально на глазах, но я не сдавался, и вот пальцы нащупали продолговатый цилиндр – фонарик!

Порядок, но расслабляться было рано. Еще несколько минут стали прошлым – ткань плота свернута, будто старый ковер. Упираясь, используя «трость» в качестве рычага я подкатил сверток к двум массивным валунам, затолкал его в

щель между ними, а сверху придавил внушительных размеров камнем. Все! Теперь бояться нечего, ни ветер, ни прибой не смогут лишить меня моих сокровищ, а это значит – самое время искать себе убежище.

– Для начала попробую сориентироваться. Итак, что мы имеем? Вон за теми сопками океан, там ничего сколько-нибудь интересного для меня нет. Поскольку то направление прямо противоположное тому, где я последний раз видел луну, можно с уверенностью заявить, что там север, – я оперся на импровизированную трость и заговорил вслух. – Еще один ориентир – лужа. Если стать лицом на север, она будет слева, значит, там запад. Логично! Туда я не пойду, не сейчас, да вода ушла, но выяснять, что лежит на дне, скрытое отвратительными водорослями и илом не лучшее занятие! Нет, это будет позже, когда хоть немного светлее станет. Смотрим дальше. Небольшая горная гряда, ряд сопкок, за одной из них луна спряталась, направление – юг, скорее, юго-запад. Большая высота, крутые склоны, без подготовки я такой подъем не осилю. Остается одна дорога – на восток. Благо там относительно ровная местность...

Я включил фонарик, медленно обернулся, пытаюсь вырвать из тьмы весь окружающий меня мир. Слегка расстроился, увы, это не прожектор, его хватит разве только на то, чтобы светить себе под ноги, но и это уже кое-что! Пол-оборота на месте, повернулся в выбранном направлении, кивнул своим мыслям, осветил на землю и побрел прочь от при-

ливного озера.

Шел медленно, смотрел исключительно себе под ноги. Отвратительная погода порождала отвратительные ощущения. Угнетала сырость, витающая в воздухе. Задавливала остатки настроения тонкая корочка льда, которая с хрустом проламывалась при каждом моем шаге. Изредка под ногами был твердый и надежный камень, но чаще всего ступни глубоко погружались в отвратительную жижу черно-коричневого цвета, состоящую из осколков льда, холодной воды и липкой глинистой почвы. Обволакивала ноги цепкая грязь, создавалось ощущение, будто затягивает меня, засасывает в подмерзшую трясину. В такие моменты я резко выдергивал зазевавшуюся ногу, забывая о ране, она же незамедлительно «благодарила» острой вспышкой невыносимой боли.

Так, прощупывая землю перед собой и подсвечивая блеклым фонариком, двигаясь со скоростью сонной черепахи, я удалялся прочь от приливного озера, вперед, в серую полутьму, в неизвестность. Шел, стараясь не думать о том, куда иду, не задумываться о том, что увижу там, куда приду. Гнал от себя мрачные мысли, нашептывающие одно короткое, но такое страшное слово: «Остров». Задавить внутренний голос не получалось, напротив, скоро к нему подключилась фантазия. Рисовала она унылую картину – маленький клочок суши, затерянный в бескрайнем океане. Камень среди бурных вод и никакой надежды на спасение...

Ровная и гладкая как альбомный лист долина сменилась

небольшим подъемом. Теперь под ногами чувствовался пологий каменистый склон, довольно удобный с точки зрения меня, вынужденного путешественника. Более всего радовало то, что не было отвратительного чавканья, а ступни уже не проваливались в глубокие грязевые ямы. Перемена заметно добавила настроения, я даже немного ускорил шаг, но тут совершенно неожиданно наткнулся на стену. Она буквально выросла передо мною, сформировалась из сплошной серости. Появление рукотворного препятствия было столь неожиданным, а в тусклом свете слабенького фонарика его очертания выглядели столь нереально, что я не сразу поверил своим глазам, списывая все на проделки неутомного воображения. Лишь после того, как подошел вплотную, а поверхность дотошно исследовали пальцы, пришло понимание очевидного – она настоящая! Бетон! Шершавая поверхность с продолговатыми неровностями – следами, оставленными досками опалубки.

– Ура! – шепотом воскликнул я. – Вот так находка! Стена – часть жилища. Там люди! Меня приютят, спасут, вылечат и какая мне разница, остров это или материк!

Луч фонаря скользнул по стене, быстро добежал до угла. Внутренний он. Застыл на мгновение на стыке двух бетонных плоскостей, последовал дальше и осветил дверной проем. Удивительно объемной на сплошном сером фоне выглядела вмурованная в бетон толстая стальная дверь изрядно тронутая ржавчиной. Над ней висели сосульки и живопис-

но покачивались стебли сухой травы, густо облепленные снегом. Похоже, проход вел куда-то вглубь холма, под землю. Землянка?

Дверь приоткрыта, в колышущемся свете фонарика казалось, будто она покачивается, приглашает войти (или предостерегает от этого?).

– Эй! Люди! – как мог громко прохрипел я, тщетно стараясь заглушить голос разума, упорно твердивший, что внутри никого нет и быть не может. Понимал я, пусть какой бы гостеприимный народ ни обитал в этих затерянных землях, никто бы не стал держать двери открытыми. Погода на севере для этого не слишком подходящая.

Я подошел ближе. Схватился обеими руками за край массивной створки, с силой потянул ее на себя. Послышался противный скрип. Ржавый металл сопротивлялся, но я был настойчивее. Краткий миг напряженной борьбы, решительный рывок и дверь распахнулась.

Луч фонарика осветил бетонный тамбур. Маленькое помещение, метра три на два с половиной никак не больше. Мрачное зрелище! Под ногами толстый слой замерзшей грязи, из которой торчит множество ржавых железок; относительно приличные на вид серые стены; потолок, на котором сохранились какие-то знаки, не иначе как кто-то копотью пытался что-то написать, давно когда-то. На всем печать запустения, но в общую картину совершенно не вписывалась дверь. Другая дверь, ведущая куда-то во внутренние поме-

щения. Неправильная она, нет, где-нибудь в другом месте она вряд ли вызывала бы у меня интерес, но здесь, в подземелье на затерянном северном побережье!

Немного посомневавшись, я решился переступить через порог. Медленно, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить на что-нибудь острое, вышел в центр комнатки. Еще полшага. Остановился. Прямо передо мною была она – та самая дверь. Свет фонаря отразился от полированной деревянной поверхности, разбился на множество ярких цветных зайчиков, которые тут-таки принялись прыгать по унылым серым стенам и не менее унылому потолку. В одно мгновение мрачный тамбур перестал быть мрачным, он стал сказочным, веселым и праздничным, кажется, даже музыка зазвучала, правда, только в моем воображении.

Еще один маленький шажочек и рука прикоснулась к гладкой древесине. Пальцы скользнули по идеально ровной поверхности, пятно света последовало за ними. Очень даже симпатичная дверь. Полированное дерево, красивая фактура, закругленные углы. По краям полотно обито начищенным до блеска металлом. Точно посередине ручка, такой себе небольшой штурвал, над ней маленькое круглое также окантованное металлом окошко.

«Если есть дверь, в нее надо постучать, как минимум, попытаться», – яркая в темноте блеснула разумная мысль. Я замахнулся, ударил несколько раз кулаком по толстому дереву, прекрасно понимая – если внутри кто-то и есть, меня

он точно не услышит...

– И кто, по-твоему, там может быть? – не выдержала и взбунтовалась логика. – Ты под ноги себе посмотри, да в этом тамбуре лет... много никого не было! На полу всего-то три отпечатка ног и все они твои.

Иллюстрируя направление мысли, рука с фонарем опустилась вниз, луч света метнулся по грязному полу, замер на одном из моих следов. Мгновение и яркое пятно снова перепрыгнуло на дверь, но вот странность, она уже не выглядела такой уж новой, на гладком дереве появились трещины, блеск окантовки померк, а окошко и вовсе покрылось толстым слоем пыли.

– Это все воображение шалит, вижу то, что хочу видеть, а то и вовсе галлюцинации начались на нервной почве, – изрядно расстроившись, пробормотал я. – Тем не менее, дверь никуда не делась, а значит, надо будет как-нибудь попытаться ее открыть, после...

Фонарик несколько раз мигнул и погас. Я вздрогнул, физически ощущая, как сгустившаяся темнота заполняет небольшое помещение. С силой встряхнул своенравный источник света. Внутри пластикового цилиндра что-то громко затрещало, лампочка блекло вспыхнула, но лишь для того, чтобы окончательно погаснуть. Рифленая ручка сильно нагрелась, в воздухе почувствовался отвратительный химический запах. Рефлекторным движением я отбросил фонарь от себя. Как оказалось, вовремя. Тот влетел в стену, громкий

хлопок на мгновение оглушил, яркая вспышка лишила способности видеть...

– Не покупайте дешевые подделки, – пробормотал я и осторожно открыл глаза.

Странно, но темноты не было, тамбур освещался слабеньким светом, вырывающимся из окошка, что в той самой двери. Я резко мотнул головой, отгоняя сомнения, прижался к стеклу. Мигнул глазами, чтобы те привыкли к свету. Увидел машинный зал. Просторное помещение, посередине которого параллельно друг другу стояли два больших двигателя. Они мерно вздрагивали, подмигивая яркими лампочками пультов. Из-под крышки одного из них тонкой белесой струйкой вырывался то ли дым, то ли пар.

Подобно всему, что мне удавалось увидеть на протяжении последних часов, видение просуществовало недолго. Свет померк, скрывая все, оставляя лишь абсолютную темноту. Чего только не привидится...

Для начала было более чем достаточно. Я осторожно шагнул в направлении выхода. Тут же послышался тихий скрежет – под ногой прогнулась какая-то ржавая железка. Еще один шаг, на этот раз подошва нащупала что-то твердое и, кажется, острое. Тут-таки пробудилось воображение, оно изобразило ржавый гвоздь, пытавшийся порвать костюм и продавить ступню. Разбираться так это или нет, не было ни времени, ни желания. Проявляя просто-таки чудеса изворотливости и талант достойный циркового гимнаста, я оттолк-

нулся буквально от воздуха, подскочил, развернулся в полете, слегка коснулся пальцами ног пола и выпрыгнул на порог. Могу с уверенностью заявить, что если бы представилась возможность проделать то же только при свете, я бы точно не смог.

Рана на ноге отозвалась вспышкой боли, но скоро успокоилась, что не могло не порадовать. Только ее капризов мне сейчас и не хватало...

В сравнении с атмосферой бетонной комнаты за пределами тамбура был удивительно свежий и приятный воздух, морозный, не без этого, но ним очень легко дышалось. Я сделал несколько глубоких вдохов, чувствуя, как запахи подземелий покидают легкие, а разум очищается от нелепых фантазий. Поблекли видения, на передний план вышла рациональность. Я трезво и как бы со стороны взглянул на свою находку, медленно кивнул своим мыслям. Ведь это результат! Даже если внутренняя дверь не поддастся, я нашел неплохое жилище, рукотворную пещеру, в которой можно будет дожидаться помощи. Это просто, надо лишь убрать с пола все потенциально опасное, перетащить внутрь плотик и соорудить из него своеобразную палатку. Обзаведусь огнем, а там уже и...

– Я так размышляю, будто заранее уверен, что в окрестностях этой самой «пещеры» никого нет. Откуда нездоровый пессимизм? Надо прекращать! С подобным подходом далеко не зайдешь. Пещера это хорошо, но только на крайний

случай. Самый крайний...

Находка не окрылила, но дала надежду. Я отбросил мысль о том, чтобы вернуться обратно и поискать другой фонарик, повернулся спиной к двери и медленно побрел обратно, ориентируясь на шершавую бетонную поверхность.

Отдаляясь от входа, высота стены уменьшалась, как оказалось, она просто удерживала грунт, не давая ему осыпаться, что само по себе и логично, все-таки подземелье. Шаг другой и она попросту исчезла, я бы сказал, ушла под землю. Сво- рачивать с выбранного пути желания не было, путь на восток мне понравился, все-таки он уже дал некий результат, потому я принялся карабкаться на склон то ли естественного, то ли рукотворного холма. Сначала пытался идти на своих двоих, но подъем с больной ногой утомительное занятие, пришлось смириться и помочь себе руками. Дело пошло гораздо веселей (я даже задался вопросом, зачем это древний человек, не подумав, решил стать прямоходящим!) и вот спустя лишь минуту вершина была покорена.

Занятое место. Ровная площадка, рядом со мною темная на фоне звездного неба возвышалась металлическая конструкция угрожающей конфигурации. Массивная вещь, достаточно высокая, немногим выше меня. В ее основе конусная стойка, на ней какой-то механизм, поддерживающий закрепленные по кругу параллельно друг другу трубы, каждая диаметром сантиметров с двадцать. Раз, два, три... двенадцать трубчатых направляющих. С обеих сторон на них ка-

кие-то механизмы, то ли фиксаторы, то ли контакты. Такая себе ромашка с двенадцатью лепестками.

Конструкция заинтересовала меня настолько, что я моментально позабыл обо всем на свете и подошел ближе. С любопытством потрогал каждую подвижную деталь, заглянул внутрь одной из труб. Что это было, я еще не понял, но уже точно знал – это что-то военное, что оборонительное. Наверняка пусковые установки для чего-то летающего, жаль только заброшено все, запущенно. А это, в свою очередь могло означать, что людей обслуживающих это творение неизвестных мне инженеров, давно нет. Здесь нет. На острове или на побережье материка...

– Тем не менее, это тоже результат. Это информация. Это знания и они непременно пригодятся, после... – я изо всех сил старался отыскать положительные моменты даже там, где их не было да и быть не могло.

Далеко впереди что-то блеснуло. Вспыхнуло и погасло. Тускло, блекло, так сразу и не поймешь, было или показалось. Мелькнула мысль, намекнула, мол, это луна выглянула из-за туч, я поднялся выше вот и... только я точно знал – она скрылась за сопкой совершенно в противоположной стороне.

Блеск, даже если он мне не привиделся, более не повторился. Я терпеливо подождал несколько минут, но все безрезультатно. Оставалось только запомнить направление, чуточку посомневаться, так, для приличия, и брести туда, где

должен находиться его источник. Благо, это как раз на востоке.

Довольно быстро спустился с холма, оставив позади занятную пусковую установку, побрел напрямиком, не разбирая дороги.

Кажется, я немного заблудился. Странно это, вот где здесь можно блуждать? Знай, иди себе прямо и никуда не сворачивай!

Очередной подъем. Довольно пологий склон. Под ногами чувствовался камень, покрытый редким мхом. Все вокруг засыпано серым в темноте, скользким, твердым, будто кристаллическим, снегом. Он противно хрустел при каждом шаге, заставляя задуматься о том, насколько надежен мой костюм, особенно в нижней его части.

Достаточно быстро удалось взобраться на очередную сопку. Слишком быстро, учитывая усталость, что шла за мной по пятам. Кстати, на вершине она меня и догнала. Дружно задрожали ноги в коленях. В глазах резко потемнело. Я остановился, оперся на свою трость обеими руками и принялся часто дышать. Не помогло. Сердце колотилось, перед глазами стояла серая полутьма, густая дымка, разукрашенная кроваво-красными пятнами. В довершение праздника закружилась голова. Чтобы не упасть пришлось сесть, глаза сами собой закрылись, давая возможность разуму проявить настойчивость и восстановить контроль над организмом.

Сквозь закрытые веки просочился слабый свет. Все

неудобства вызванные усталостью тут-таки забылись. Я открыл глаза. Источник света, что потревожил меня, быстро обнаружился, ним была луна. Она, как оказалось, не провалилась в бездну, что ниже линии горизонта, а просто притаилась за облаком, ожидая пока я взберусь повыше. Дождалась и лишь теперь решила выглянуть и озарить своим особым серебристым светом северный пейзаж.

Я непроизвольно приподнялся. То, что видели глаза, заставило сердце замереть. Застыло оно и тут же начало колотиться с новой силой, увеличивая темп, будто старалось выпрыгнуть из тесной груди. Нет, не луна так на меня подействовала, а картина, что предстала передо мною в серебристом свете. Она поражала, завораживала. Нахлынули странные мысли, они одолевали. Как-то необычайно остро захотелось упасть на колени и поцеловать землю. Поклониться в ноги тем силам, что сберегли мне жизнь и подсказали правильное направление.

С вершины сопки я видел уютную бухту, узкую, продолговатую, похоже, ту, которую наблюдал во время гонки с ветром по гребню волны. Ее окаймляли два скалистых мыса. Они будто челюсти гигантского чудовища, которое открыло рот, намериваясь проглотить смелого путешественника, да так и окаменело в один момент. Над верхней «челюстью», необычайно живописный в лунном блеске чернел тот маленький полуостров, на который я должен был упасть. Он выглядел как нарост на голове доисторического монстра,

будто гребень на голове плотоядного динозавра.

Но это все ладно, это лишь детали пейзажа, не они поразили мое воображение, пробудив дремлющую в глубине подсознания религиозность. Внизу, да просто у подножия сопки, отчетливые в тусклом свете, виднелись два домика! Настоящие человеческие жилища! С крышами, с окнами. Правда, окна темные, но кто знает, может ночь вокруг и не просто полярная...

Вновь тот отблеск. Яркий, но одновременно блеклый. Будто размытый, нечеткий. Я присмотрелся внимательнее и, то ли разглядел, то ли нафантазировал, на краю мыса «верхней челюсти», укутанную туманной дымкой башню четырехгранного сечения, на ней прямоугольную блестящую пластинку, от которой отражалась луна, над ней же тренога с ярко звездой...

– Маяк? Возможно, все возможно, но это не столь важно, это может подождать. Сейчас быстро вниз, надо поглядеть, что там за здания! Кто-то же в них живет! Вперед! –скомандовал я и тут-таки взвыл, будто раненный зверь. Резкое движение отозвалось болью, нога не преминула напомнить о себе.

Начался спуск, он оказался делом гораздо более сложным, чем недавний подъем на ту же сопку. Казалось, пологий склон, никаких ям и трещин, но идти было крайне неудобно, ноги скользили по камню, покрытому тонкой корочкой льда, разъезжались они в разные стороны, просто чудо, что я не

упал и не скатился вниз, попутно ломая руки и ноги.

Примерно на половине спуска просто на моем пути из серебристого полумрака выплыл автомобиль. Мощный армейский грузовик с трубчатой конструкцией вместо кузова. Пусть я и далек от военной техники, не узнать систему залпового огня было невозможно, похоже, это дополнение к тем трубам, что остались на холме с дверью. Занимательно!

Исключительно из любопытства я подошел ближе. Обошел вокруг авто, остановился у капота. Присмотрелся, протянул руку, ощупывая тиснение.

– Урал... – пробормотал я. Провел рукой по выпуклым буквам, кивнул. – Точно! Это «Урал». Нет, но просто-таки превосходная новость, ведь она означает одно – я где-то в России... ну, скорее всего...

Грузовики уступами расположились на склоне, поглядывая пустыми трубами направляющих в сторону продолговатой бухты. Подобно той железке на холме, что ранее заинтересовала меня, были они ржавыми и, видно даже в сомнительном свете капризного ночного светила, изрядно раскучуроченными. Просто-таки свалка металлолома, хотя, что тут-таки вызвало гордость за отечественную промышленность, большая часть колес, которые я видел, были совершенно целыми, а шины даже не лишились воздуха. Умеют же делать, если захотят!

К тому моменту, когда любопытство окончательно отошло на задний план, освобождая место для боли (нога уже не

просто ныла, от нее шли мощные болевые импульсы, пронзающие все тело), я спустился к ближайшему строению. Медленно обошел вокруг, внимательно его разглядывая.

Как ни прискорбно, но то, что я видел, не добавляло энтузиазма и не поднимало настроение. Передо мной было обветшалое здание простенькой планировки, практически квадратное в основании. Его венчали остатки крыши из частично сохранившегося шифера. Заколоченные дощатыми щитами и листами ржавого металла окна, серостью сливались с оттенком стен. Дверей я не заметил, видимо прошел мимо, но рассчитывать на то, что они изменят общее впечатление, не стоило. Да и неважно все это, и так понятно – людей этот домик давненько не приветствовал.

В паре десятков шагов ближе к морю виднелось второе строение. Гораздо более просторное, кажется, менее заброшенное.

– Делать нечего, исследовать, так все и сразу, схожу, посмотрю что там...

Подслушав шепот здравого смысла, упорно повторяющего одну и ту же назойливую мысль о том, что очередные мои надежды рухнут так же быстро, как и все предыдущие, за дело взялось воображение. Оно быстро сориентировалось и выдало свое видение ситуации. В его фантазиях вся эта местность была территорией войсковой части, некогда секретной, а ныне полностью заброшенной. Одним из множества подобных объектов, разбросанных по бескрайним про-

сторам страны, которой больше нет. Тот домик, что остался позади, служил жильем для офицеров, а здание, к которому я приближался – казармой для рядового состава. В этих помещениях давно когда-то жили солдаты срочной службы (скорее, матросы) и кадровые военные, они же обслуживали пусковые установки. Те, которые зарыты в землю, там, в холмах и эти, которые на шасси автомобилей. Охраняли рубежи, так сказать, а вот теперь...

– Хорошо, когда все понимаешь, но плохо когда понимаешь, что все плохо! – глубокомысленно изрек я, непроизвольно пожимая плечами. – Жаль, что все это заброшено, притом давным-давно.

Шаг, еще шаг, здание все приближалось, его очертания все отчетливее. С каждым мгновением крепла уверенность в том, что воображение не ошиблось и это действительно казарма. Все признаки на лицо. Большие двери с козырьком, ровный строй окон, кажется, целые они, может не все, но большая их часть. Пусть подобная новость и не будила дремлющий оптимизм, но не добавляла и уныния.

Из полутьмы серые на фоне общей призрачной серости выплыли несколько горизонтальных труб. Вне всякого сомнений спортивная площадка. Маленькая она, как собственно и вся войсковая часть. Негде и развернуться. Сколько же парней здесь служили? Десяток? Два? Вряд ли больше. И на всех ржавый турник с двумя перекладинами и не менее ржавые брусья. Еще лестница вертикальная в стороне, под ней

какой-то самодельный тренажер, более всего напоминающий детские качели.

Вот и дверь. Стандартное деревянное полотно в такой же стандартной деревянной раме. Краску давно не обновляли, тем не менее, общий вид вполне приличный, хотя возможно, это всего лишь происки лунного света, он особенный, он что угодно может преобразить, дай только волю воображению...

Осторожно, будто на самом деле чего-то боялся, я взялся за ручку. Сжал прутки холодного металла, но потянуть на себя не хватило решимости. Страх? Да, конечно. Все-таки эта дверь олицетворяла мои надежды, что если заперта она, а то и вовсе заколочена? Возможен и другой вариант – дверь открыта, но за ней одна сплошная разруха.

Время шло, а решимость все не появлялась. Чтобы дать себе возможность привести мысли в порядок я медленно попятился назад. Остановился в двух шагах от крыльца, повернул голову правее и замер. Из ближайшего наглухо закрытого металлическим листом и заколоченного досками окна выглядывала труба. Простая металлическая труба, изогнутая коленом с симпатичным конусом наверху. Одно мгновение и я уже видел дым! Чуть заметный, легкий, невесомый. Там печка! В ней огонь горит, вот это новость, так новость!

– Эй! Откройте! – я метнулся к окну и принялся колотить кулаком по листу металла, заменяющему собой стекло. С каждым ударом, который колокольным звоном оглашал окрестности, во мне росла и ширилась непередаваемая

радость. – Открывайте, скорее я здесь!

Ответа не было, лишь тишина, густая и насыщенная, казалось, она поглощает отзвуки ударов, гаснут они в ней, теряются на фоне мрачного безмолвия. Радость тут-таки притихла и растаяла, уступив место разрастающемуся страху. Закружилась голова, задрожали колени, подкосились ноги. Чтобы не дать парализующему чувству полностью подчинить мое тело я отбежал от окна и бросился к двери. Ударил в нее один раз, еще один.

Свершилось! Дверь медленно приоткрылась. Послышался скрип старых половиц. Кажется, где-то там, в темноте, промелькнул силуэт еще более темный, чем тьма полярной ночи. Кто-то подошел ближе намереваясь подглядеть в щелочку? Своеобразное приглашение войти? Не знаю...

– Здравствуйте! – я отступил на полшага назад, выронил свою трость и поднял обе руки, чтобы показать хозяевам, что не имею никаких дурных намерений. – Прошу прощения за то, что вынужден побеспокоить вас, но так уж случилось, что я... потерпел кораблекрушение у ваших берегов. Меня волной забросило вот и...

Сопровождаемая все тем же отвратительным скрипом дверь открылась сильнее. Я подошел ближе, взялся за ручку, осторожно потянул на себя. В тот же миг тьма из помещения вырвалась на волю, заполняя все пространство вокруг. Она быстро ширилась, разрасталась, достигла луны, поглотила и ее. Все утонуло в сплошной беспросветной мгле.

Накатила очередная волна суеверного страха, нет, я все прекрасно понимал, понимал, что дверь открылась исключительно из-за того, что я изо всей силы молотил по ней кулаками, что скрипели не половицы, а ржавые петли. Это все понятно, как и то, что внезапное потемнение легко объясняется облачностью, которой заволокло небо. Все это понятно, но страх не просит объяснений.

Игнорируя проявления трусости, я ступил на порог и тут-таки передумал. Кто знает, что там, в темноте, вдруг снова грязь вперемешку с металлоломом? Возможно, а то и вовсе никакого пола нет, гнилые балки, обломки половиц.

Труба-трость быстро нашлась. Несколько ударов и общая картина ясна – дощатый пол, судя по звуку половицы целые. Можно было рискнуть. Я опустил ногу на первую из них, плавно перенес на нее вес тела. Замер. Пол слегка прогнулся, противно заскрипел, но выдержал. Еще шаг – такая же картина.

Небольшое помещение. Стена прямо, стена слева, справа дверь. Выбор очевиден – мне направо. Нашупал ручку, толкнул – ничего, потянул на себя. Дверь вяло сопротивлялась, но все-таки поддалась.

Как ни странно, тьма за дверью оказалась не столь густой и непроглядной, скорее всего, глаза привыкли к отсутствию освещения. Я достаточно легко определил форму помещения, разглядел металлическую печку с выходящей из нее трубой, гору каких-то досок у противоположной от входа

стены. Вопреки ожиданиям это была не огромная казарма, а узкая продолговатая комната. Походило на то, что кто-то, понимая, что отапливать большое помещение неэкономично, отделил для себя немного жилплощади. Это несложно, достаточно было просто соорудить еще одну стену вот тебе уют и комфорт!

– А это может означать только то, что неизвестный мне хозяин северных апартаментов поселился уже после ухода военных, – пробормотал я, – пожалуй, хорошая новость. Она дает слабую надежду на то, что здесь если не живут постоянно, то хотя бы периодически бывают люди...

Ступив два осторожных шага, я подошел к тому, что во тьме казалось печкой в народе известной как буржуйка. Не ошибся. Толстый чугун, шершавая поверхность. Пальцы ощупали боковую поверхность, быстро нашли решетчатую дверцу. Схватили круглую ручку, приподняли, потянули на себя. Внутри топки что-то было, что именно можно было выяснить позже, для начала стоило проверить одну гипотезу.

На верхней плоскости у самого дымохода пальцы нащупали металлическую коробочку. Схватили ее, машинально встряхнули. Звук, который я хотел бы услышать, не последовало, что порождало сомнения, но расстраиваться было слишком рано. Я резко встал, слишком резко. Рана взорвалась вспышкой боли, правда, она очень быстро забылась. Странная вообще это боль, кажется, она появляется лишь после того, как я о ней вспомню, и тотчас же исчезает. По-

дозрительная боль...

Изучение находки продолжалось. Легко удалось выяснить, где верх, где низ. Пальцы цепко схватились за крышку, медленно, чтобы резким движением не рассыпать содержимое, подняли ее. Я затаил дыхание. Да! Внутри оказалось то, за что я отдал бы все что угодно, даже часть собственной жизни. Спички! Большие туристические спички, да еще и залитые парафином, чтобы не отсырели. Это же просто праздник какой-то!

Сноп искр осветил комнатушку. Вспышка света, ровное пламя, на удивление приятный аромат горящего дерева. Глаза понемногу адаптировались к новой обстановке. Свыкались они со светом, с явлением, о существовании которого практически позабыли. Они жадно цеплялись за всевозможные цвета, пытаясь насладиться ними. Нежила взор ярко-оранжевая расцветка моего одеяния, успокаивали темно-зеленые стены (хороший признак, их не так давно красили!), согревал насыщенно-ржавый оттенок буржуйки.

Не позволяя глазам бесцельно прыгать с одной яркой детали интерьера на другую, я вгляделся в приоткрытую дверцу печки. Так и есть, там не пусто! Внутри, сложенные со знанием дела лежали дрова. Ниже тонкие щепки, наверху небольшие поленья, даже обрывок газеты виднелся в самом низу. Кто-то собирался разжечь огонь? Возможно! Значит хозяин недалеко. Снаружи? В доме? Прячется в дальнем углу, пользуясь темнотой? Боится? Возможно. А что если он

целится в меня сейчас, из ружья, к примеру...

– Хозяева! – в моем голосе отчетливо слышались нотки самого настоящего страха. Сам себе поражаюсь, разве после всего, что я пережил, можно еще хоть чего-нибудь бояться!

Быстро погасло пламя, приглашая в дом темноту. Страх, который проскальзывал в моей интонации, решительно выбрался наружу. Не давая ему шанса, не позволяя разрастись до немислимых размеров, я взял еще одну спичку. Присел у печки, открыл дверцу, попытался поджечь газету. Вопреки ожиданиям, она не вспыхнула, ее краешек лишь обуглился, а в помещение влетел знакомый с детства запах тлеющей бумаги. Отсырела что ли?

Только с третьей попытки удалось поселить внутрь металлического бочонка слабый и несмелый огненный язычок, но он быстро освоился. Зашевелился, принялся подмигивать, будто живой, нехотя облизывая колючие деревяшки, будто размышлял, стоит разгораться, или еще покапризничать. Все-таки решился. Вспыхнула одна щепка, за ней вторая и вот в буржуйке разгорелось яркое пламя.

Благодаря отблескам огня удалось детальнее осмотреть помещение. Условно его можно было разделить на две зоны. Жилая – небольшой пяточок у входа и зона хранения всякого хлама левее от дверей и далее вглубь. Границей были стеллажи. Несколько деревянных и металлических сборных и стационарных конструкций занимали большую часть продолговатого помещения. Что не могло не расстраивать, бли-

жайшие полки были совершенно пустыми.

– Как-то все у них не продумано. Вот почему бы не добавить еще одну перегородку, поставить стену, так сказать, поперек? Была бы уютная комнатка, где всегда тепло, а там уже склад, – резюмировал я то, что видели глаза. – Надо же, забрался в чужой дом еще и возмущаюсь...

Нелепые фантазии о незнакомцах, что целились в меня, прячась в темных углах, быстро забылись. Это все тепло! Успокоило оно, расслабило, прилечь захотелось, забыться. Приятно все-таки по-человечески отдохнуть, занять горизонтальное положение. Отдохнуть там, где есть крыша, где нет шаткого пола, что постоянно прогибается под ногами.

Постель нашлась сразу. В самом уютном месте комнаты просто перед буржуйкой лежали два деревянных поддона, почти диван! Да, нет всяких там изысков в виде одеял с простынями, но это ладно, это пережить можно!

Ярко представилось, как я вытягиваюсь на жестком, но таком удобном ложе. Так живо и натурально, что веки тут-таки налились свинцом и в глазах чуточку потемнело. Я нерешительно шагнул в выбранном направлении, но сразу остановился. «Не время спать, для начала надо осмотреться, вдруг что-нибудь полезное найду. А еще не помешает набраться смелости и хоть одним глазком осмотреть рану. Да и о хозяевах домика я пока ничего не знаю. Кто они? Где они? Как отнесутся к моему появлению? Боюсь на севере народ суровый, а для того чтобы избавиться от тела места предостаточ-

но...» – поползли ленивые мысли, озвучивая вопросы, ответы на которые меня уже мало интересовали.

В «жилой» части комнаты смотреть было не на что, потому мой взгляд быстро переключился на стеллажи. На полу под ближайшим из них что-то призывно блеснуло. Я подошел ближе, там подмигивала отблесками пламени керосиновая лампа. «Летучая мышь». Густо присыпанное пылью стекло молило о том, чтобы ему уделили внимание, а резкий запах керосина намекал на возможность использовать устройство по прямому назначению...

Никогда не думал, что керосиновая лампа так ярко светит! Думал, кроме копоти и отвратительного букета из дыма и паров ничего и не будет, а тут настоящий лишь слегка мерцающий свет. Красота!

Снова заныла рана, настойчиво намекая на то, что самое время уделить ей внимание. Причин отсрочить осмотр более не было, напротив все условия на лицо...

Ощущения такие, будто кожу с себя снимаешь, будто приросла к телу плотная ткань, но вот почти получилось, осталась только нога, одна, та самая. Я приготовился. Схватил штанину обеими руками, глубоко вдохнул, замер на мгновение, стараясь не думать ни о чем, резко дернул вниз. Кажется, я закричал. В глазах резко потемнело. Некоторое время сквозь все сгущающийся мрак более или менее отчетливо проглядывали доски пола, они стремительно приближались...

Когда я снова открыл глаза, прямо перед ними покачивался огонек пламени, скрытого за тонким стеклом.

– Могло быть и хуже... – пробормотал я и медленно приподнялся.

Стал на четвереньки. Все еще не глядя на распухшую ногу, пополз вперед, остановился у ближайшего поддона. Взобрался на него. Сел. Тяжело вздохнул и с трудом заставил себя посмотреть вниз.

Глаза мигнули и принялись с брезгливым любопытством разглядывать бедро. Колотая рана, похоже, нож в мышцу воткнули, притом довольно-таки давно. Синюшного цвета края сильно разошлись, из отвратительного вида дыры сочилась мутная жидкость, наполняя помещение запахом гнили и тления. «Вспоминая все виденное когда-то в кино, могу с уверенностью заявить, что такую рану полагается промыть чем-то, а после зашить. Пожалуй, так. Нет, промыть, это еще ладно, но шить! Увы, не способен я на подобные подвиги, – в ответ на более или менее разумную мысль я медленно покачал головой. – Как только представлю вышивку по живой коже, так в глазах и темнеет...».

– Аптечка, надо найти аптечку, – услышал я свой голос. – Там должно быть что-нибудь обезболивающее. В складках плота она точно есть, а вдруг и здесь найдется...

Лавируя между стеллажами, я доковылял до дальней стены. Остановился, радостно присвистнул. Нет, медикаментов видно не было, зато там был настоящий склад продоволь-

ствия. Ровной стопкой стояли консервы, радовали глаз яркими цветными этикетками. На нижней полке нашлись даже маринованные помидоры в стеклянных банках. Тут-таки захотелось помидорчика, а что, это все-таки север, витамины ой как нужны! Жаль только замерзли они. Одна банка так та и вовсе лопнула. Напополам. Застыл рассол, поддерживая форму, намекая на то, что давненько не было в комнате положительной температуры. Есть о чем задуматься!

При виде всей этой красоты боль в ноге утихла и забылась, ее затмило осознание того факта, что я уже и сам забыл, как долго ничего не ел. Не говоря уже о том, что большую часть того, что удавалось проглотить, у меня отбирала качка.

Искать аптечку сразу же расхотелось. Еще бы, ведь на той же полке нашелся консервный нож! Я не стал изучать ассортимент, просто схватил самую большую банку, подобрал с пола изрядно погнутую ложку и поковылял обратно.

Трофеем оказалась тушенка. Можно было проглотить ее холодной, но я все-таки заставил себя проявить выдержку. Поставил аппетитную находку на поверхность плиты. Отвернулся, судорожно глотая слюну. Стойко терпел, но когда комнатка наполнилась умопомрачительным запахом тушеного мяса, чуть не теряя сознание, набросился на еду.

– Жаль тот неизвестный не побеспокоился о хлебе. Точно не помешал бы ломоть-другой, хотя, если объективно – нечего привередничать. Ешь, что дают да помалкивай!

Тушенка мгновенно победила голод, но породила новое

чувство – страшно захотелось спать. Веки налились свинцом и отяжелели. Сил сопротивляться не было. Я сдался. Бегло осмотрел комнату, в надежде найти хоть что-то, что можно использовать в качестве матраца. Ничего подходящего не нашлось, потому кое-как устроился на помосте из поддонов, набросил на себя костюм, повернулся лицом к теплой печке. Перебрал несколько поленьев, выбирал одно, которое показалось наиболее подходящим на роль подушки, коснулся его щекой и моментально уснул.

Сон пришел сразу. Странный, непонятный. Мне снился я. Снилось, будто засыпаю. Будто только-только удалось забыться. Будто лишь мгновение тому назад мир перестал существовать, а последний его звук – треск углей в печке слился с безмолвием абсолютного штиля. Сквозь сон я услышал, как скрипнула, открываясь, дверь. Я, трудно понять, то ли спящий, то ли снившийся мне, попытался среагировать. Нет, точно, это тот я, который снился мне. Это он! Он попытался открыть глаза, попытался подняться, ведь даже сквозь полудрему сна ему и мне понятно – хозяин жилища вернулся. А это проблема! Мало кому может понравиться, если в твой дом забредет непрошенный гость, поужинает твоими припасами и ляжет спать у твоей же печки. Причем все это даже не поздоровавшись! Хотя, кому нужны мои приветствия? Даже и мне они ни к чему!

Глаза того меня, что снился мне, напрочь отказывались открываться, руки не желали шевелиться. Его, а через него

и меня наполнила усталость, такая тяжелая, такая концентрированная, что никакие сомнительные понятия учтивости не могли заставить нас обоих вырваться из цепких объятий Морфея.

Новый звук. Шаги. Тихие, будто крадущиеся. Скорее всего, это уже у меня, в реальности, не во сне. Хотя, разве тут разберешься! Нет, точно у меня. Ведь это не сон, это явь. Настоящее это!

Тишина, в ней легкое дыхание. Наверняка тот, кто проник в помещение, меня увидел, похоже, я его заинтересовал. Да я бы и сам собой заинтересовался: грязный, голый, измученный.

Чиркнула, зажигаясь, спичка. Точно у меня это! Но запах? Нет его! Значит, во сне? Не скажу точно, но, похоже, мне удалось уговорить глаза открыться, свои, в реальности. Чуть-чуть, несильно.

Сквозь ресницы я разглядел человека. Женщина. Невысокого роста, бесформенная от огромной куртки, она, глазами синими, как море, смотрела на меня. Точно не скажу, но, похоже, ее губы шевелились, она что-то говорила, вот только что? Нет, это реальность, это точно не во сне...

Холодная сталь прикоснулась к раненой ноге. Мне тут-таки стало заметно лучше. Я ощутил укол, быстротечное мгновение боли, сменяемое просто-таки райским блаженством. Рана перестала ныть, напротив, все затмило по-настоящему райское блаженство.

Накатывающие волны подлинного спокойствия растекались по телу. Они проникли и в сон. Другой я, тот, который мне снился, тоже ощутил прилив покоя. Он улыбнулся во сне! Вот только женщина, ее размытый силуэт, нависающий надо мною, задрожал, стал еще более расплывчатым. Удивительно, но сквозь нее я отчетливо видел огонь в печке, видел, как пляшут его языки.

Удерживать тяжелеющие ресницы не было больше сил. Они упали, рухнули, закрылись, как сквозняк захлопывает дверь. Наступила блаженная тишина, ее дополнила не менее блаженная темнота. Второй я, тот, который мне снился, исчез, осталась лишь пустота. Последнее же, что удалось ощутить – прикосновение. Легкое, эфемерное, не иначе как нежные пальцы коснулись моей руки. Было или показалось? Что было сном, что явью? Никто того не ведает.

Глава третья

Короткий день полярной ночи

Протяжный скрип ворвался в пробуждающееся сознание. Оно, сонное и неповоротливое, на удивление быстро сориентировалось, чуточку поднатужилось, определило источник звука, проанализировало его характер и выдало результат – дверь скрипит.

«Женщина, бесформенная куртка, синие глаза, прикосновение», – в моей голове наперегонки забегали обрывки мыслей...

Скрип повторился. Навязчивый, призывный, раздражающий.

Глаза открылись и несколько раз удивленно мигнули. Абсолютной темноты, которая окружала меня до погружения в беспамятство, уже не было. Она изменилась, трансформировалась, стала менее густой, менее насыщенной, менее пугающей. Причиной разительной перемены служил рассеянный свет, пробивающийся сквозь грязное стекло маленького окошка, что в дальнем конце комнаты, за стеллажами. Вчера я его обнаружил, но не придавал находке значения – темно было снаружи, какая разница, есть окно, нет его...

Удивительно, до чего же быстро блеклый, да практически неразличимый свет может поднять настроение! Доля секунды, частичка мгновения и я уже практически счастлив.

Он же не сдается, он зовет, он требует, чтобы я поднимался, вставал, выбирался наружу ведь там, за стенами, еще светлее. И снова странность, я поддаюсь, я верю! Нет, на то, что меня ждет ясный и солнечный день, конечно же, рассчитывать не приходится, но среди абсолютно темноты тусклый отблеск далекого светила он синоним блаженства!

Тут-таки напомнила о себе раненная нога. Только на этот раз по-другому. Она более не ныла, задавливая остатки настроения, напротив, по всему телу от нее волнами расходилось на удивление приятное чувство исцеления. Боль, преследовавшая меня на протяжении последних дней, пропала. Ни намека! Высохла мерзкая жижа, что вытекала из глубокого пореза, рваные его края сошлись, будто склеились. Все вернулось на круги своя, более того, если бы не опухоль, можно было и вовсе предположить, что мне все снилось: боль, мучения, страхи. Да, это результат визита загадочной гостьи, никак не иначе!

Живо и на удивление ярко из недр памяти выплыла прошлая ночь. Крадущиеся шаги. Незнакомка в бесформенной куртке. Конечно, это все она. Она и только она мне помогла. Она сделала укол, она вылечила! Не забыть мне ее движений, блеска глаз цвета зимнего неба, безмолвного шепота. Точно помню, ее губы шевелились, она что-то говорила? Молилась? Читала заговоры? Не знаю, да и неважно все это.

Рука пошарила по полу, быстро нащупала спички. Яркая вспышка и отблески живого огонька забегали по стенам. В

удивительно-домашнем желто-оранжевом свете керосинки я осмотрел комнату. Наклонил лампу, внимательно изучил грязные доски, местами сохранившие мрачный цвет, некогда приданный им коричневой краской. Долго смотрел, внимательно вглядывался. Поднимал лампу выше, опускал ниже изо всех сил стараясь найти хоть какие-нибудь следы пребывания ночной гостьи. Смотрел, вглядывался, но ничего подозрительного не видел...

– Нет, значит, нет, – послышалось невнятное мое бормотание. – Да и вообще разглядывать старые доски это дело неблагодарное. Выйду, пожалуй, наружу, прогуляюсь. Там раздолье для следопыта: снег, слякоть, все такое. Приведу только себя в порядок.

Мгновение и плотный материал гидрокостюма согрел тело, добавив толику приятных ощущений в букет отличного утра. Чуть портила настроение дыра на груди, но этот вопрос можно было легко решить. Тут-таки память выдала обрывок воспоминания – нижняя полка у дальней стены. Там, в углу рядом с льдиной упорно хранившей форму стеклянной банки лежал кусок старого полотенца. Пусть использовать его по прямому назначению вряд ли когда-нибудь удастся, зато ним можно подлатать костюм, сделав его практически герметичным.

Приблизившись к первому же стеллажу, я остановился и удивленно мигнул глазами. На изрядно запыленной доске лежала аккуратно сложенная матросская форма. Черные брю-

ки из толстой ткани (мой размер!), новая тельняшка и теплый на вид бушлат.

– Вот это подарок! Спасибо! Не иначе как дар таинственной незнакомки, – я кивнул в пустоту и склонил голову в знак благодарности.

Часть меня, та, что не отличалась наивностью и предпочитала не доверять лишней раз глазам, взбунтовалась. Отзвуком сомнения в сознание просочилась мысль: «А что если все это фантазии? Игра воображения, галлюцинация, просто сон? Что если ты сейчас прикоснешься к обновкам, и они исчезнут? Ты готов к тому, что все твое восприятие мира вот-вот взорвется? Нет? Тогда отвернись, пережди. Не вздумай! Не трогай! Нет!».

Дрожащий палец осторожно прикоснулся к мягкой ткани. Застыл. Краткий миг колебания и рука цепко схватила рукав тельняшки. Разбуженный сомнением страх обижено померк и забился обратно в нору, из которой выполз. Я же медленно пожал плечами, театрально махнул рукой, физически ощущая, как возвращается почти полностью растерянная уверенность в себе. Быстро оделся. Недолго думая надел форму просто поверх гидрокостюма. А что, север все-таки, тут нужно согреваться любыми средствами, тепло это дело первостепенное – его много не бывает.

– Эх, забыла она о ботинках, заботливая моя, да и шапка бы не помешала, но это ладно! Так сказать, не все сразу. Надеюсь, все еще будет, не сейчас, позже.

Остро захотелось увидеть себя со стороны, посмотретья в зеркало. Я даже подпрыгнул на месте, чувствуя, как бессмысленная на первый и не только взгляд блажь переполняет меня. С малопонятным энтузиазмом принялся вертеть головой в поисках чего-то, в чем можно увидеть свое отражение, но ничего подходящего так и не нашлось. Слегка расстроенное самолюбие отозвалось обреченным вздохом. Нет, его понять можно, наверняка я отлично смотрелся в новенькой форме. Как-никак настоящий моряк, покоритель океанов. Хотя это вовсе неважно, сейчас главное, что мне тепло, а прочее не столь существенно.

Снова тот отвратительный звук, что разбудил меня. Снова дверь. «Входная, та, которая наружу. Ветер резвится, его проделки. Надо выглянуть, посмотреть надо, что там за стенами, чем порадует меня день сегодняшней. Заодно и осматрюсь, все-таки искать следы на снегу дело более перспективное, – глаза упорно вглядывались в пол, хоть разум и твердил, что на дощатой изрядно грязной поверхности следов не разглядеть. – Вот была бы незнакомка на каблучках, тогда другое дело. Продавила бы шпильками старую доску, я бы точно заметил, но север, сам понимаю, не место для подобного шика...».

Протяжный скрип сменился абсолютной тишиной, но продлилась она лишь пару секунд. Выстрелом на фоне сплошного безмолвия хлопнула, закрываясь, дверь. Я вздрогнул. Тесня хорошее настроение, пробудилась раздра-

жительность. Надо что-то менять...

Ветер снаружи ослабил напор, но лишь для того, чтобы позволить входной двери полностью распахнуться. Лицо тут-таки обожгло морозным дыханием стихии. Мощный поток ледяного воздуха, щедро сдобренного морской пылью, несущий с собой удивительно твердые снежинки, грозил сбить меня с ног. Он напирал, я сопротивлялся. Шаг, за ним еще один и вот правая нога на пороге. Я замер, собирая силы для последнего рывка. Слегка наклонился вперед, намереваясь выйти наружу, но тут дверь качнулась и полетела просто на меня. Не ожидавший такого поворота я не успел ни сориентироваться, ни увернуться. Сильный удар в висок заставил отступить назад, ноги скользнули по тонкому слою наледи, я упал и откатился в дальний угол. Там ударился затылком о какую-то металлическую конструкцию. В глазах помутилось, сознание затуманилось. Благо все это длилось не более секунды. Ветер, хлещущий по щекам, швыряющий в лицо снежинки, не позволил долго прохладиться.

– Вот тебе и с добрым утром! – придя в себя, я сразу же ощупал голову, искренне удивляясь тому, что она не раскололась на части от сильного удара.

Похоже, моя черепная коробка привыкла к подобному обращению, если к ударам и падениям вообще можно привыкнуть. Нет, точно привыкла! Уже через минуту колокольный перезвон в ушах стих, кровавые пятна перестали выплясывать перед глазами и растворились в общей светлой серости.

Вернулось чувство спокойствия и умиротворенности. Легко стало, ощущения такие, будто и вовсе ничего не случилось, будто я заснул на мгновение, а проснулся, если не окрепшим, то хотя бы живым. . .

За надежными стенами казармы продолжала бесчинствовать стихия. Один за другим резкие порывы ветра обрушивались на дверь, вдавливая ее в пазы рамы. Скрипела старая древесина, противно трещали ржавые петли. Казалось, ветер решил проникнуть в мое жилище любой ценой и ничто его уже не остановит. Казалось, вся его мощь обрушилась на хиленькую деревянную преграду. Казалось, нет ему дела до всего мира, ему нужна лишь моя дверь. Только вряд ли это так. Наверняка подобное безобразие творится по всему побережью. Развлекается северный ветер, никто ему не указ.

Резкая перемена погоды способствовала развитию панических настроений. На удивление отчетливо представилось, как стихия набрасывается на мой плот. Я уже не представлял, я видел, как ветер, словно сказочный великан сбрасывает камень, удерживающий полотнище, как закручивается брезентовым смерчем тяжелая ткань и уносится мощным потоком в открытое море. Там она тонет, плавно погружается в пучину, ложится на дно. Исчезает она, а вместе с ней исчезает и все то, что может дать мне хоть призрачный шанс выжить в столь негостеприимной местности.

Вслед за первой (вполне разумной!) мыслью последовала вторая. Решительная. Понял я – надо идти, надо собраться с

духом и перенести плотик в казарму. Нельзя позволить ему затонуть. То, что осталось в его складках, мне обязательно пригодится, всему найдется применение. В первую очередь нужны припасы, но и ткань лишней не будет, к примеру, ее можно в качестве постели использовать, получится и матрац и одеяло. В самом же крайнем случае можно будет и палатку соорудить. Мало ли что, вдруг вернутся хозяева, выселят меня, скажут, иди друг, живи, как знаешь!

– Забирать надо, вот только тяжеленный он...

Глаза, которые уже немного привыкли к блеклому освещению, пользуясь слабым рассеянным светом, что проникал в щель между дверью и рамой, присмотрелись и разглядели небольшое колесико. Это было нечто новое, а новое всегда хороший стимул, чтобы подниматься да начинать что-нибудь делать, как минимум, пытаться думать.

Как ни старалось зрение, рукам веры было больше. Пальцы планомерно ощупали находку. Обнаружили еще одно колесо, перемычку их соединяющую. Посредине к ней крепилась труба. Длинная и слегка изогнутая она поднималась вверх, где переходила в ручку. К самой трубе приварены два полукольца, одно практически на уровне перемычки с колесами, второе несколько выше. Как не понять что это – тележка! Увы, не садовый инвентарь, для других перевозок ее конструировали. Скорее всего, с ее помощью перевозили что-то тяжелое и цилиндрическое, к примеру, боеприпасы для тех же пусковых установок. Вряд ли это лучшее транспорт-

ное средство, чтобы возить грузы в условиях гористой местности, но попробовать стоило...

– Неважно для чего изначально предназначалась эта конструкция, важно то, что с ее помощью можно хотя бы попытаться забрать мои припасы. А что? Плот свернут в рулон, кое-как примотаю его к стойке, обвяжу веревками. Попробую! Притом сейчас же. Кстати, это отличная возможность испытать обновку. Надо же проверить одежду, в условиях, так сказать, Крайнего Севера...

Двигаясь против ветра, сила которого постоянно возрастала, толкая упирающуюся тележку перед собой, я наклонялся все ниже и ниже. Шел, сопротивлялся, тешил себя надеждой на то, что обратный путь будет легче. Конечно, будет. Я развернусь, ветер подует в спину, помогая мне. К тому же потом, в конце путешествия, в качестве особого приза, я получу настоящий уют. лягу, укутавшись в грубую ткань, растянусь у теплой печки. Согреюсь, отдохну.

Реалистично до невозможности представились веселые языки пламени, жар, идущий от раскаленного металла, в воздухе аппетитно запахло разогретой тушенкой. Настолько все по-домашнему, настолько от этой картины веяло уютом, что кажется, дорога стала ровнее, а ветер так тот и вовсе перестал ощущаться. Правда, так только казалось...

Отлив. Озерцо, регулярно наполняемое морской водой заметно обмелело. Его края взялись коркой льда, достаточно прочной, чтобы ноги не проваливались в мерзкую жижу.

Точно такая же корочка образовалась и на материале плота. Она добавила массы полотнищу, но все это мелочи, главное то, что он никуда не делся, не сдуло его, не смыло.

Я сразу же взялся за дело, благо природа способствовала – в ложбинке ветер практически не ощущался, проносился он выше уровня окрестных сопок. Сбросил камень, как мог плотно свернул ткань в рулон, обмотал сверток веревками, найденными тут же неподалеку. Получился увесистый и довольно объемный цилиндр. Пришлось немало потрудиться, чтобы укрепить его на импровизированной тачке. Получилось. Мимоходом удалось сделать полезное открытие – эта конструкция на колесах отлично подходила для того, чтобы возить дрова! Надо просто отпилить от бревна кусок метра полтора, вложить полученную колоду в полукольца, зафиксировать и все, можно спокойно, при желании и вовсе припеваючи, катить добычу до моей казармы, а то и того дальше.

Самым сложным был первый подъем. Тележка упиралась, колесики противно скрипели, но я не сдавался, шаг за шагом поднимался по склону. Скоро ветер взялся мне помогать. Стоило пройти первую сотню метров, как он подхватил меня с тяжелой поклажей и буквально вынес на вершину холма с пусковыми установками. В блеклом свете условного дня удалось пополнить коллекцию сведений об окрестных землях – установка была не одна. Севернее, всего в нескольких десятках метров виднелась точная ее копия. Такой же холм, такая же конструкция из труб просто зеркальное отра-

жение, единственное отличие – направляющие первой смотрели в бледное северное небо, а второй – засмотрелись куда-то вдаль, глядели на размытую линию туманного горизонта.

Памятуя, что схожесть часто бывает обманчивой, я уже почти решил осмотреть вторую установку, но тут целиком и полностью завладев моим вниманием, сквозь полутьму краткого зимнего заполярного дня, белый и острый, в глаза влетел луч. Сильный и яркий свет, будто звезда взорвалась неподалеку. Взорвалась, разгорелась и плавно погасла.

Вспышка ослепила меня. Пользуясь временной слепотой, из недр памяти всплыло недавнее воспоминание. Вспомнился маяк, тот, что я видел на краю мыса, или тот, что привиделся мне. Было, не было? Не знаю. Да и сейчас, был свет, или я его придумал? Непонятно, но разве можно что-либо с уверенностью утверждать в столь переменчивом мире!

– Нечего тут думать да гадать, надо просто сходить и проверить! – решительно прошептал я. Взглянул в сторону соседней пусковой установки и утвердительно кивнул своим мыслям. – Все надо будет проверить, после, сейчас же бегом к теплу и уюту!

На удивление быстро тележка с поклажей докатилась до стен квадратного домика, обогнула его и остановилась у дверей приютившей меня старой казармы. Еще немного и видение непонятных звезд-маяков отошло на задний план, затмили его языки пламени, прикрытые решетчатой дверцей.

Комнату наполнил удивительно домашний запах горящего дерева. Скоро к нему присоединился еще более приятный аромат мяса и специй.

Втаскивать плот в комнату я не стал. Занес в тамбур, затолкал в дальний угол, но прежде, чтобы подарить себе частичку комфорта, отрезал несколько длинных полос, которыми можно было застелить лежак и использовать в качестве одеяла. Быстренько перекусил, легко убедил себя в том, что уже вечер, завернулся в грубую ткань и попытался заснуть.

Удалось, но только частично. Подстегиваемые умиротворяющим треском огня, в сонное сознание пробрались то ли фантазии, то ли воспоминания, а то и вовсе иллюзии. Разные они, звуковые оптические. Я слышал громкую музыку, что играла где-то неподалеку. Базируясь на понятных звуках, воображение рисовало огромный зал, заполненный людьми. Виделись яркие вспышки цветных фонарей, они вырывали из темноты силуэты, живописно подсвечивали облака дыма. «Клуб живет своей жизнью...» – промелькнуло в засыпающем сознании. Что было причиной подобной мысли, я так и не понял.

Затмевая грохот музыки, в сознание прокрался тихий шорох. Я напрягся, изо всех сил стараясь открыть глаза. Они открылись, но не полностью, а чуть-чуть, еле-еле. Сквозь поволоку сна удалось разглядеть бесформенную фигуру. Таинственная незнакомка! Я узнал ее, это она навещала меня прошлой... ночью. Да, точно она. Как и раньше, покачива-

ясь, она подошла ближе. Замерла. Звук ее шагов сменился шелестом ткани.

Затихла музыка, ее сменил приятный голос, скорее шепот. Еле различимое на фоне тепла и уюта прикосновение. Легкий укол, растекающееся по венам блаженство. Еще мгновение и комнату наполнили чудесные звуки, голос, удивительно нежный, удивительно чистый. Песня. Вот только слов не разобрать, казалось, это и не слова вовсе, это лишь шелест осенних листьев в засыпающем парке.

Глава четвертая

Разведка: любопытство и парализующий страх

Тихий шепот и приятные прикосновения скоро забылись. Причиной тому стала музыка. Вернулась она, громкая, оглушающая, сводящая с ума. Первым делом сонное сознание запротестовало, требуя вернуть все как было. Уж оно-то точно знало – шепот это реальность, а музыка к ней не имеет никакого отношения! Откуда ей взяться на краю земли, на затерянном берегу, в полуразрушенном военном городке? Да тут один единственный житель – я, а мне чудом спасемся точно не до дискотек.

Недолгим был протест. Пришло понимание очевидного факта, понял я что музыка – часть сна. Сон это здоровье, это отдых, но не только, ведь через тонкую грань, отделяющую сновидение от реальности могут пробиться и воспоминания! Смирилось сознание, перестало сопротивляться оно, забилось в какой-то потаенный уголок черепной коробки, умолкло, перекладывая ответственность за происходящее на подсознание. Похоже, даже обиделось оно, если такое вообще возможно...

Обращать внимание на демарши своего внутреннего «Я» хотелось меньше всего на свете. Лишнее это. К чему какие-то обиды, если есть сон, цветной, веселый, красочный. Музыка в нем звучит, яркие фонарики мигают, буйство кра-

сок вокруг, веселье. До чего же приятное все это после однотонного удручающе-мрачного пейзажа, изобилующего всеми оттенками серого цвета, разбавляемого лишь ядовито-оранжевым гидрокостюмом, да темно-зелеными стенами моего временного пристанища!

Стих грохот ударных инструментов. Померк свет в зале, да и сам зал растворился в абсолютной темноте. Мгновение и тьма отступила, из нее выплыл я, медленно бредущий по ночной улице. Ярко, ярче редких фонарей мощный плиткой тротуар освещала вывеска. Одна. Я сразу понял – это ночной клуб. Его название, размытое, нечеткое, назойливо подмигивало, готовое собраться из обилия разрозненных букв. Они кружили в моем воображении, раскачивались, выстраивались в линию и тут-таки снова разбежались. Прочсть его не получалось, как и вспомнить, думаю, это все происки обиженного сознания!

Кажется, меня окликнули. Точно меня, ведь Витя это я, да кто же еще! Оглянулся. В десятке шагов виднелись люди, небольшая, но шумная компания. Четверо парней, с ними девушки. Я остановился, замер, размеренно покачиваясь, прищурился, пригляделся, улыбнулся. Я их знаю! Певица Таня и ее друзья. Она нас знакомила, когда-то, наверное, жаль, никого из них я не помню, во всяком случае, по имени...

Один из парней, высокий широкоплечий со странной, будто нарисованной улыбкой на самодовольном лице подо-

шел ко мне, протянул руку, схватил мою ладонь, крепко пожал. Похоже, этого ему показалось мало, он чуть отстранился, резко мотнул головой и вдруг обнял меня. Я растерялся от неожиданности. Как-то прижиматься к парням не в моих привычках. Страшно захотелось ударить его кулаком просто в... улыбку...

Он что-то сказал. Какой-то неправильный у меня сон, ничего кроме музыки не слышно, хотя нет, имя свое я ведь услышал или решил что услышал? Не знаю, да и ладно.

Парни расхохотались, девчонки захихикали. Тот, который обнимал меня, отошел на шаг, комично поклонился. Мне? Им? Не знаю. Далее он что-то спросил, на этот раз точно у меня, я что-то ответил. Осознаю, что ответил, вот только что и на какой вопрос, даже не представляю.

Изрядно поднадоевшая пантомима подошла к концу. Парень извлек из кармана рубашки визитку, передал мне. Я попытался прочесть, что на ней написано, но не смог, глаза упорно не хотели фокусироваться на нескольких коротеньких словах написанных витиеватым шрифтом. Собеседник мой снова поклонился, конечно, все также театрально. Произнес несколько слов, чем вызвал бурный смех своих спутников. Панибратски похлопал меня по плечу. Я помрачнел сильнее. Вот откуда столько фамильярности в его действиях и почему я терплю подобное к себе отношение?!

Похоже, они вспомнили, что куда-то спешат. Парни по очереди крепко сжали мою ладонь, девицы похихикали и по-

махали руками. Одна из них, самая фигуристая, подбежала ближе, прижалась ко мне всем телом, прошептала томным шепотом несколько слов просто в ухо, игриво прикусила мочку, отстранилась, лукаво подмигнула.

Видение ночной улицы снова сменилось интерьером ночного клуба. Понимая, что место музыканта на сцене, я попытался увидеть себя с гитарой, но все как-то не получалось. Вместо того чтобы заниматься делом мое отражение в ярком сне резво бегало по залу, смешно размахивало руками, выгибалось, подпрыгивало. Со стороны я выглядел отвратительно, а то и вовсе мерзко, благо, скоро все закончилось. Ко мне подошли двое, не говоря ни слова, взяли под руки и куда-то увели.

Дальше все более или менее логично. Обиделся. Я обиделся. Не скажу на что именно, или на кого конкретно, но точно обиделся. Противное чувство клокотало во мне, разрасталось, грозясь обернуться гневом и выплеснуться наружу. Искало оно повод, параллельно увлекая в самые мрачные закутки ночного города.

Темная улица. Изобилующий выбоинами асфальт. Неуверенный шаг. Заплетающиеся ноги. Голос. Мой, громкий, но неразборчивый. Да, теперь я себя услышал, но легче от этого не стало, все равно слов не разобрать. Можно предположить, что я с кем-то спорю, вот только нет никого поблизости. Сам с собой ругаюсь? Возможно, да и ладно.

Какой-то переулок. Ни огонька, ни отблеска. Я вздрогнул,

будто очнулся, резко остановился. Обернулся. Черные тени. Трое. Нет, это не те, кого я знаю, даже не те, с кем хотел бы познакомиться.

В руке щелкнул, раскрываясь, нож. Я приготовился постоять за себя, но тут что-то тяжелое опустилось мне на голову. Моментально потемнело в глазах, зазвенело в ушах, тело пронзил мертвенный леденящий холод. Какая-то возня в темноте. «Вот же... даже ботинки и те сняли! Теперь ходи пешком...» – обрывок мысли сформировался из пустоты, что планомерно заполняла черепную коробку, и затерялся в ней...

Я проснулся от того, что замерз. Действительно замерз, ощущения такие будто холод из далеко не самого приятного сновидения просочился в реальность, заполнил комнату, прогоняя из нее домашнюю атмосферу тепла и уюта.

Первым открылся правый глаз, медленно мигнул, раз, другой. Его примеру последовал левый. Ничего нового они не увидели, ничего интересного не заметили. Я обреченно пожал плечами. Кое-как огляделся. Вокруг, сколько ни вглядывайся, сплошная полумгла, очень похожая на полумглу темного переулка. Практически ничего не видно, тем не менее, достаточно быстро удалось определить причину внезапного похолодания. Во всяком случае, удалось убедить себя в том, что я ее нашел. Да, все просто. Сон был далеко не самым приятным – я ворочался. Полосы ткани, использованные в качестве постельного белья, сползли вот и результат.

Правда, прошлой ночью не было ни возможности, ни желания укрываться, и ничего, но это опять-таки ладно...

Я снова завернулся в грубую ткань, закутался, изо всех сил стараясь убедить себя в том, что этого будет достаточно. Кажется, убедил. Стало гораздо лучше, во всяком случае, теплее. Нахлынуло спокойствие. Захотелось растянуться, устроиться как можно удобнее, забыть обо всем на свете, закрыть глаза и погрузиться в удивительный мир сновидений, цветных и ярких. Желательно чтоб не было в них личностей из темных переулков, но, увы, это не мне решать...

Глаза неуверенно открылись, медленно мигнули. По сути, с момента последнего пробуждения ничего не изменилось. Все было по-прежнему. Разве что полутьму немного разбавляло слабое свечение, пробивающееся сквозь грязное стекло, что в маленьком окошке.

Казалось, все повторилось. Та же ситуация, что и сутки тому назад. Призрачный свет – время подниматься. Да, все так, вот только вставать не хотелось. Вообще. Даже чуточку странно, днем ранее одного тусклого лучика было достаточно, чтобы вскочить на ноги, а вот сегодня! Нет, это все лень. Она плюс привычка. Видимо, для очередного всплеска хорошего настроения нужно нечто большее, чем слабый поток условного света.

Время неторопливо бежало вперед, но ничего не менялось. Логика, базируясь на том, что видели глаза, упорно твердила, мол, еще темно, а значит можно немного вздрем-

нуть. Веки наливались свинцом, руки непроизвольно натягивали на голову импровизированное одеяло, стараясь скрыть от глаз все то, что находилось за пределами моего уютного мирка.

По всем приметам лень должна была победить, но тут как-то совсем уж неожиданно в недрах дремлющего сознания возникло и окрепло желание подниматься. Странно это! Вот в чем смысл? На работу не идти, опаздывать некуда. Вставать лишь для того, чтобы встать? В принципе, тоже причина...

Сильное, да просто нечеловеческое усилие – удалось заставить себя сесть. Рывок и я сбросил тряпки, служившие одеялом, чиркнул спичкой, зажигая огонь. Стало заметно лучше. Все-таки вид полыхающего пламени, отблески которого прыгают по стенам, невероятно бодрит, почти как чашка крепкого ароматного кофе. Жаль, правда, настоящего кофе нет...

Согревая очередную банку тушенки, я вспомнил о принесенных вместе с плотом припасах, сбегал в тамбур, сгреб в охапку все, что только удалось нащупать в складках ткани, сел на пол, устроил себе самый настоящий пир. Позабыв о необходимости экономить, перепробовал все, что только было в ассортименте терпящего бедствие моряка. «Блюдом дня» оказались питательные плитки с тушенкой. Они так эффектно дополнили вкус друг друга, что трудно было остановиться. Особым же шиком стали несколько глотков неоднократно замороженного и размороженного, но такого вкусно-

го, будто недавно выжатого, апельсинового сока.

Пока я смотрел сны и боролся с ленью, тщетно пытаюсь заставить себя сделать хоть что-то, снаружи, шел снег. Наверняка отличное было зрелище. Люблю снегопад. Представить только – огромные снежинки плавно опускаются с неба. Кружат в ритме вальса, зависая над земной поверхностью, не желая превращаться в пушистый зимний ковер. Покачиваются они и медленно ложатся на землю, окрашивая окрестности в идеально белый цвет.

Думаю, я всегда любил смотреть на снег. На свежий нетронутый снег. Ровный, чистый, без единого следа на нем. Радует он взор, умиляет, поднимает настроение...

Покончив с завтраком, я вышел на крыльцо, остановился, залюбовался. Очень красиво. Нет, дело не только в стерильной белизне, снег, он своего рода зеркало. Благодаря свежему покрывалу, блеклые сумерки, которые заменяли собой дневной свет, казались не такими уж и блеклыми. Напротив, в сравнении с тем, к чему я привык за последнее время, это был настоящий день. Вот бы еще солнце сжалилось и подарило один-единственный яркий лучик!

Точно как и прошлым утром следов таинственной незнакомки обнаружить не удалось. Не было их ни на снегу, ни в комнатухе. Странно как-то, вообще ничего: ни впечатков ног, ни нанесенного и растаявшего снега, который должен был прилипнуть к обуви незнакомки, ни каких-либо предметов, которые она могла бы забыть. Да, это все так, но на этот

раз был запах! Еле различимый, еле уловимый, сладковатый, цветочный. Чувствовалась в нем магнолия с легкими нотками ванили. Было в тонком аромате что-то знакомое, что-то приятное, что-то, от чего веяло нежностью, покоем и лаской.

Тонкий аромат. Практически неосязаемый. Собственно, я его почувствовал лишь благодаря тому, что выглянул наружу, полюбовался снегом, а после вернулся обратно.

– Пожалуй, сегодня лучший день для того, чтобы сходить на разведку, – я решительно вышел из дому, вдохновленный ароматом, оставленным таинственной благодетельницей. Задержался на пороге. Посмотрел на расположенное в десятке метров от моего убежища квадратное здание. Воображение тут-таки перехватило инициативу. Дорисовало оно внутреннее убранство комнат, скрытое за наглухо заколоченными окнами. Приличный ремонт получился, удобная мебель внутри, а в одном из кресел оно изобразило ее, мою незнакомку. Прячется она? От кого? От меня? Возможно, но зачем!

Взгляд перестал буравить стены домика, опустился вниз на белоснежную пустошь, на ноги. Мои ноги. Из-под широких брюк выглядывали ступни, обтянутые тканью все того же гидрокостюма.

– Нет, ничего плохого о нем не скажу, удобный он, теплый и все такое, но в качестве обуви это не вариант... – пробормотал я, медленно качая головой. – Жаль, обувь нечего. Просто как в том сне! Нет, ходить по снегу, это еще ладно,

думаю, ткань выдержит, вот только железок вокруг разбросано столько всяких разных, не сосчитать! Костюм порву, да и ногам достанется!

Пришлось снова взяться за нож. Я вырезал из останков плотика две длинные узкие полоски и, фантазируя на тему армейских будней, попытался намотать подобие портянок. Не могу сказать, что получилось так, как должно быть по уставу, зато на ступнях образовался достаточно солидный слой прочной ткани, который должен был защитить меня от скрытых в толще снега острых железок. Еще одно усилие и самодельная обувь накрепко пристегнута двумя узкими ремешками, отрезанными от того же плавательного средства. Обновка выглядела довольно симпатично, может даже чуточку стильно, тут-таки захотелось опробовать ее в деле.

– Кстати, на будущее, в качестве подошвы можно будет использовать резину шин грузовиков, – пробормотал я, – а что? Будет у меня удобная обувь, так сказать, в немецком стиле, модель зима сорок третьего – сорок четвертого годов... прошлого века...

Первый шаг на нетронутый зимний ковер. Снег прогнулся и приятно заскрипел под ногами. Выплыли из недр памяти, а может из глубин фантазии яркие картинки детства. До чего же здорово: снежная зима, я с санками бреду под гору. Мороз щиплет за нос, настроение зашкаливает, хочется петь. И я пою, но уже после, весело съезжая с горки.

Продолжавшийся всю ночь и сопровождаемый непрекраща-

щающим ветром, снегопад заметно изменил пейзаж, сгладит его, выровнял. Сделал территорию вокруг казармы гораздо чище и на порядок приветливее. Правда, скоро глаза, привыкшие к мрачно-серому окружению, перестали отличать небо от земли. Исчезла линия горизонта, единственными ориентирами, на фоне сплошной светлой серости остались остовы заброшенных «Уралов», чернели они мрачными сгустками, казалось, будто и вовсе висят над землей.

– Можно с уверенностью заявить – сейчас день, – глубоко-мысленно произнес я вслух и умолк, прислушиваясь к своему глухому с хрипотцой голосу. Не иначе как простыл...

Осторожно ступая, будто передвигаясь не по свежему снегу, а по минному полю, я брел вперед. Достаточно быстро добрался до домика, в котором, в чем я к тому времени уже и не сомневался, раньше жили офицеры с семьями, а теперь пряталась незнакомка. Обошел вокруг, разглядывая заколоченные досками окна. Остановился у дверей. На них, как и на каждом оконном проеме красовался деревянный крест. Две доски, прибитые длинными, загнутыми у шляпок гвоздями.

Исключительно из любопытства я ухватился за верхнюю доску, дернул, потянул на себя. Та не шелохнулась. Тогда уперся ногами в стену, повис, рискуя свалиться. Потянул сильнее. Кажется, был слышен скрип, звук ржавого гвоздя, который вытягивают из древесины, но это была лишь игра воображения. Забито намертво. Тот, кто заколачивал дверь,

поработал на совесть, доски не оторвать, во всяком случае, без подходящего инструмента.

Интерес к домику тут-таки пропал. Если честно, то я и сам особо не понимал, зачем пытался оторвать доску. Разве что в качестве трофея, или на дрова. А это вариант! Позже, когда топить будет нечем, вернусь сюда, только уже с чем-то тяжелым.

Разворот в сторону моря. Я посмотрел туда, где должна быть линия горизонта, надеясь разглядеть свет, что видел в прошлый раз, но нет, ничего подобного не заметил. Пусть снег и добавил яркости пейзажу, но практически полностью убрал контрастность.

Да, маяка не было, зато я видел берег, гладь моря, удивительно тихую и спокойную. Правда, видел лишь небольшую ее часть, всего с пару десятков метров, никак не больше, все остальное застилала светло-серая, как и все, что не засыпано стерильным снегом, дымка. Густая и сизая, она шевелилась, двигалась, приближалась ко мне, поглощая окружающий мир, казалось, пробиралась она в меня, в мое сознание.

Было довольно-таки тепло. Градуса два-три мороза, не больше, вот только сырость донимала, казалось, она пропитала и мою теплую форму, и плотную ткань гидрокостюма. Влажность была везде. Воздух, насыщенный морскими испарениями, делался густым, тяжелым. Лениво перетекал он в полном безветрии, медленно огибал меня, одинокого странника на пустынном берегу. Странный воздух, пусть влаж-

ный, пусть тяжелый, он был удивительно приятным, можно сказать даже чуточку вкусным. Ощущались в нем водоросли, йод, соль, чувствовалось море. Ним хотелось дышать, его хотелось глотать, ним хотелось насытиться.

Так, медленно передвигая ноги и глубоко дыша, я миновал спортивную площадку. Еле удержался от глупой идеи повисеть на ржавой, как и весь металл в округе, перекладине, вспомнить, так сказать, былую юность. Передумал. Прошел мимо казармы, внимательно взгляделся в металлический лист, с торчащей из него трубой.

За углом казармы, в противоположной от офицерского домика стороне виднелись еще два строения. То, что ближе к казарме было почти полностью разрушенным. Сохранились лишь стены, но их высота не превышала метра. Красный кирпич живописно проглядывал из-под снега, навевая невеселые мысли. На мгновение я задумался, что могло располагаться в ограниченном этими стенами пространстве в лучшие годы, но так и не придумал ничего умного. Решил, пусть будет склад, или котельная, а лучше и то и другое, кивнул в подтверждение своих мыслей и медленно побрел дальше.

Метрах в пяти от неопознанных руин, сохранившийся практически в первозданном виде, нашелся погреб, вернее ледник, именно так, по-другому и быть не может. Вечная мерзлота вокруг! Точно ледник – прямоугольная бетонная коробка наверху в ней ступеньки, уходящие в темноту под-

земелья. Наверняка там снег лежит круглый год, лед, не тает даже в разгар лета, хотя о каком лете я говорю...

Насмотревшись в темноту подземелья, я повернулся к морю. Подошел к самой кромке воды, остановился и замер восхищенный. Что тут скажешь, не только снежные равнины я люблю, близки мне и морские пейзажи!

Предо мною предстала бухта, достойная кисти живописца. Даже чуточку жаль, что не всю ее видно, дымка мешает, отсутствие видимого горизонта не позволяет сосредоточиться на деталях. Не разглядеть ее целиком, но это не мешает работе воображения. Так легко представить, сколь красива она в лучах солнца, того солнца, которое не заходит за горизонт... летом. Прелестна она в часы восхода, волшебна в момент заката, прекрасна ранней осенью, божественна весной. Страшно захотелось увидеть искрящиеся в лучах дневного светила лазурные воды, вот только ждать солнца в этом заброшенном уголке мира особого желания не было. Простая мысль, понятная. Есть, правда, нюанс – никто моего мнения на этот счет спрашивать не собирается...

Тут-таки вернулись вопросы, настойчиво требующие ответов. Где, в какой конкретно части света я оказался. Что это за суша? Остров? Удаленная часть материка? Есть ли возможность пешком добраться до обжитых мест? А маяк он был, он есть или он привиделся? Тревожные мысли заполонили сознание, мешая радоваться, не позволяя вдоволь насладиться созерцанием суровой красоты северного края.

Несколько секунд я пытался гнать их прочь, но они и не думали отступать. Пришлось смириться. Ведь, что ни говори, а правильные это вопросы, следовательно, правильным будет на них ответить. Пусть не на все, для начала хоть на некоторые из них.

– Простейшим из озвученного мною списка видится последний, тот, который о маяке, – нерешительно пробормотал я, глядя на покачивающуюся уже всего в десятке метров впереди сизую дымку. – Наверняка с него и следует начать...

Несколько несмелых шагов по песчаному пляжу и вот нечто по-настоящему новое. Плавно, будто выплывая из тумана, проявилось рыжее пятно на общем светло-серо-снежном фоне. Что-то массивное лежало на берегу. Контраст с идеальной белизной свежего снега и серостью туманной дымки был столь разителен, что удержаться и не подойти было попросту невозможно. Забылись былые вопросы, их место заняли новые. Захотелось узнать, что это. Большой камень? Оборонное сооружение, настоящий дот? А это интересно! Опять вопросы, новые вопросы, по-прежнему требующие моего внимания. Простые на них будут ответы или не очень, неважно. Все равно начинать с чего-то надо.

Почва под ногами пружинила. Ступни глубоко погружались во влажный песок, хрустела корочка свежего льда, не желая выдерживать мой вес. Ближе к цели короткого путешествия я и вовсе провалился в яму, благо неглубокую. Скрытая под тонкой наледью вода доходила до колен. На

дне толстый слой ила. Мерзкая взвесь выплеснулась на снег, воздух наполнился отвратительным запахом. Несло какой-то едкой химией, нефтепродуктами. Вязкий коктейль облепил ноги, казалось, затягивает он, пытается утащить меня в глущину.

Кое-как я выбрался из ямы, огляделся в поисках чего-то, чем можно обозначить опасное место. Подобрал наполовину сгнившую доску, воткнул ее в мягкое дно. Попытался привести себя хоть немного в порядок. Быстро понял, что это не так просто, махнул рукой и побрел дальше, теперь уже внимательно глядя себе под ноги.

Вот и он, кусок ржавого металла, живописно присыпанный снегом. При ближайшем рассмотрении он оказался цистерной. Большой, изрядно мятой железной емкостью. Я даже несколько расстроился. Что может быть интересного в железке, брошенной на берегу!

Она лежала на одном из плоских оснований, чуть склонившись набок. Вряд ли я вообще обратил на нее внимание, если бы не замысловатой формы снежная шапка сверху, да змеей выползающая из-под днища мощная цепь, что скрутившись калачиком, уходила в песок...

– Цистерна на привязи. Это чтоб не украли! – мрачно констатировал я, осознавая, что находка не стоила того, чтобы из-за нее проваливаться под землю.

Начинаясь сразу за цистерной, можно сказать, уходя под нее (наверняка она не всегда тут лежала), виднелись остат-

ки деревянного сооружения. Простенькая конструкция, состоящая из вбитых в землю свай-бревен, на которых некогда лежал настил. Своеобразный мостик шел по пляжу, сопровождая береговую линию, затем плавно подбирался к камням скалистого мыса. Понятное дело, это такая себе пешеходная дорожка, приподнятая над землей. Как раз для того ее и мастерили, чтобы путники вроде меня не ломали себе ноги.

У подножия сопки «тротуар» делал крутой поворот. Далее его поддерживали бревна, вбитые в расщелины, многочисленные трещины в каменном массиве. Достаточно немного ослабить путы рациональности, сдерживающие воображение, и можно представить, как все это выглядело в лучшие годы. Дощатый настил с деревянными перилами змейкой карабкался по склону. Взялся он на каменную возвышенность, провожал любого желающего наверх, туда, где жили и работали люди, туда, к маяку.

Находка порадовала. Я проследил за неровным строем сохранившихся свай и пробормотал: «Конечно, если бы вся эта деревянная конструкция сохранилась в изначальном виде, если бы доски по-прежнему лежали параллельно земле, было бы гораздо лучше. Прогулялся бы я со всеми удобствами. Но это уже слишком. Достаточно и того что бревна-сваи указывают мне путь, к тому же они помогут взобраться на склон. Да, прогулка не обещает быть легкой, но я об этом и не мечтал, я просто хотел...».

– Я многого не хотел и не хочу. Просто понять пытаюсь, где нахожусь! Только и всего, – прервал я запутавшуюся мысль и зачем-то энергично кивнул головой.

Следуя за путеводными столбиками, я прошелся по берегу, остановился у места, где песчаный заваленный каменными глыбами пляж переходил в склон скалистого мыса, отделяющего спокойную бухту от бурных вод ледяного океана. Посмотрел вверх, представил себя, висящего между небом и землей, несколько растерял энтузиазм.

– Ну, чего я жду? Вперед, точнее, наверх! – я вспомнил картину, увиденную несколькими днями ранее. Уютная бухта и два продолговатых мыса, будто разинутая пасть неведомого чудовища... – Наверх, обследовать мыс «Верхней челюсти»!

Это ни в коем случае не географическое название. Это лишь моя глупая выдумка, но как его не называй, карабкаться от этого не легче. Высота метров пятьдесят, это если на глаз! Что самое обидное, именно там, в самом трудном месте, на половине пути, настила как такового вообще не было. Сохранилось лишь несколько свай, да и те изрядно прогнили. Придется здорово постараться, чтобы осилить подъем!

– Неважно это. Собрался идти, будь добр, иди. Или, что ближе к истине, взбирайся, раз намерился!

Нога нащупала щель между камнями на уровне колена. Рука дотянулась до одной из свай. Я подпрыгнул, ухватился, да так и застыл, раскорячившись. Чудом смог удержаться.

Еще одно усилие и удалось схватиться за следующий столб, удалось повиснуть на нем, подтянуться. Еще немного и я уже висел на третьем. Задержался, скосил глаза вниз, ощущая небывалый эмоциональный подъем. Радуюсь тому, что карабкаюсь? Нет, тому, что у меня получается!

Очень скоро я освоился на склоне. Легко перепрыгивал со сваи на сваю, поражаясь тому, что не боюсь упасть. Все шло отлично. По всему видно – подъем скоро закончится. Я уже отчетливо видел часть сохранившегося помоста, идущего практически в горизонтальной плоскости. Казалось, еще немного и окажусь на гладкой каменной вершине, выберусь на ровную поверхность, там будет легче, но тут серую полутьму всколыхнул страшный звук. Громкий, протяжный, заунывный, казалось, будто плачет кто-то навзрыд. Будто не один он, незримый, будто тысячи заблудившихся душ голосят, оплакивая свою тяжелую долю.

Сильный звук быстро распространился по окрестностям. Мгновение и он полностью заполонил меня, овладел мною, подчинил себе, лишил рассудка и способности контролировать тело. Пальцы, до того цепко державшие очередную деревянную сваю, медленно разжались. Точно помню, я упирался, делал все, чтобы не позволить им выпустить опору, но не слушали они меня, я им не указ...

Не могу сказать, как все происходило, более того, не могу вспомнить, что именно произошло. Память запечатлела лишь редкие картинки, несколько морских пейзажей, будто

фото из отпуска, на которых присутствовал и я.

Первая и наиболее яркая – трясущийся, как осенний лист я стою внизу у начала подъема, смотрю на окровавленные свои ладони. Следующий кадр – противно потрескивает тонкий лед, меня за ноги хватает подмерзшее болото. Мгновение боли, колокольный звон оглашает окрестности – колено угодило в бок ржавой цистерны, вот что значит снег и дымка плюс полнейшая невнимательность!

Далее сплошная серость. Ноги несли меня, сами несли, я же ничего не мог противопоставить их своенравности, у меня попросту не было сил для этого. Я ничего не мог предпринять, пока не забежал в казарму. Там оцепенение на мгновение ослабило оковы, позволив захлопнуть двери и рухнуть на скрипучие доски старого поддона.

Тут-таки гул снова настиг меня. Он терзал, он мучил. То, что я с каждым мгновением сильнее зажимал уши, не помогало. Я слышал не барабанными перепонками, все тело воспринимало звуковые волны, улавливало их, усиливало и передавало в мозг. Мысли стирались на общем фоне, а может, их и вовсе не было, как минимум, отошли они на задний план, остался лишь заунывный звук, пронизывающий меня насквозь, да желание, одно единственное желание – прекратить эту пытку.

Сквозь серость восприятия пробилась строптивая мысль. Одна. Твердила она, мол, нечего лежать, надо бежать, прочь из казармы, как можно дальше. Надо скрыться, спрятаться в

сопках там, куда не долетают никакие звуки. Но скоро и она растворилась в общей серости, тело вновь отказалось мне повиноваться, его всецело поглотил звук, мощный, сильный заунывный.

Боль стала невыносимой, сознание, не выдержав пытки, покинуло брренное тело. Лишившись рассудка, в беспмятстве, я катался по полу, разбрасывая покрывала. Не понимая, что делаю, стянул китель, оторвав половину новеньких блестящих пуговиц, за ним последовала тельняшка. Оставшись в гидрокостюме, затих. Накатила волна блаженства, порожденная пониманием того, что пока сознание не вернулось, не вернется и пытка.

Недолго длилось спокойствие. Чувства воротились, с ними вернулись и мучения. Боль напомнила о себе, но ослабела она, будто свыкся я с нею, сжился, смирился. Будто стал частью ее, будто мой голос также влился в сводный хор плача, в песню, витающую над затерянным побережьем.

Окошко в дальней стене, застекленная его часть, сквозь которую в комнату проникал пепельный свет, быстро, да буквально на глазах потускнело. Вслед за сгущающейся темнотой появилась первая разумная мысль. Превозмогая боль, в сознании блеснуло: «Надо зажечь огонь, согреть помещение, съесть надо что-нибудь, попытаться восстановить силы. Ведь страшный звук не умолкает, продолжает изматывать меня, а мне с ним еще бороться и бороться...».

Разумная мысль, правда, ее разумность тело не оценило.

Оно лишь укуталось плотнее и предприняло наивную попытку уснуть. Странно, но у него получилось. Забылись страхи, затихли звуки, все растворилось в блаженном беспмятстве.

Глава пятая

Маячный поселок

Утро порадовало теплом и уютом. Горящие сосновые дрова согревали, дым, насыщенный ни с чем несравнимым ароматом смолы, витал в воздухе, клубился, собираясь в небольшие кучевые облака. Сквозь них просачивался слабенький мерцающий свет, указывая на то, что там, совсем недалеко от меня, печка, что в ней полыхает огонь.

Ситуация менялась. Ощущение домашнего уюта угасало, его становилось все меньше, исчезало оно. Дым, наполнявший комнату, напротив, густел. Лишь небольшая его часть лениво вытекала через щель в неплотно закрытой двери, остальная же едкая взвесь скапливалась внутри помещения, наполняла его. Облако, висящее под потолком, становилось плотнее, опускалось оно все ниже. Вне всякого сомнения, совсем немного времени пройдет и не смогу я разглядеть ни печку, ни удивительный огонек, что согревал меня.

То, что видели глаза, вылилось в печальный монолог:

– Так и случится, – слышалось невнятное мое бормотание, – исчезнут окружающие предметы, растает уютное помещение, а затем не останется вообще ничего. Ни огонька, ни комнаты, ни меня. Все поглотит клубящееся дымное облако...

Искоркой в густеющем дыму блеснула мысль – я вдруг по-

нял, что это не сон, это реальность, и в этой самой реальности я задыхаюсь! Воображение, которое не могло не отреагировать на происходящее, быстренько изобразило чьи-то сильные руки, пальцы, что сжимают горло, не позволяя дышать. Оно быстро утомилось, но созданное ним видение не пропало. Именно так, я на самом деле видел склонившегося надо мной незнакомца, видел его туманное лицо! Видел нос с горбинкой, шрам, пересекающий левую щеку, черную щетину, наверняка он давно позабыл, что такое бритва. Физически чувствовал пронзительный взгляд холодных темных глаз. Страшный взгляд, страшных глаз, знакомых глаз...

Видение растаяло, давая возможность поработать разуму. Глаза напряглись, кое-как, им удалось разглядеть очертания двери. Руки уперлись в пол и, преодолевая упорное сопротивление ног, запутавшихся в тканевом капкане, потащили тело к выходу, туда, где чистый воздух, где спасение.

Ядовитый дым не давал дышать, отзывался он острой режью в глазах. Ручьями текли слезы мешая видеть. Та маленькая частичка окружающего мира, которую я еще мог разглядеть, неумолимо расплывалась, тускнела, превращаясь в сплошную непроглядную тьму. Казалось, клубы дыма, что захватили пространство комнаты, забрались и в мое сознание, казалось, это их происки, пытаются они сбить меня с пути, остановить. Но это им не удастся, ведь цель уже рядом!

Дверь всего в шаге. Даже сквозь слезы можно различить каньоны-трещины в нижней части составляющих ее досок.

Казалось, все получилось, но нет, осталось самое сложное – надо найти в себе силы и сдвинуть с места тяжеленную створку. Она упиралась, я настаивал. Напрягались мышцы, подгоняло упорство, а сознание грозило в любой момент покинуть брренное тело, не планируя вернуться обратно.

Вот и долгожданный скрип. Дверь (она такая тяжелая, когда пытаешься открыть ее лежа на полу!) поддалась. В лицо пахнуло морозным, но таким приятным воздухом. Я глубоко вдохнул, закашлялся, снова вдохнул. Собрался для последнего рывка, выполз в тамбур, нащупал наружную дверь, отрыл ее и кубарем выкатился наружу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.